

№1
Январь 2014

РУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Мир без преград

8 (800) 200-77-99

звонок по России бесплатный

www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Арсен ЕРЕМЯН

Редакционная коллегия:
Вера ЦЕРЕТЕЛИ
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Донара КАНДЕЛАКИ
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ
Владимир ГОЛОВИН

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Важа АЗАРАШВИЛИ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Гоги КАВТАРАДЗЕ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Гулбат ТОРАДЗЕ
Джансуг ЧАРКВИАНИ

Армения
Михаил БАГДАСАРОВ

Белоруссия
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Венгрия
Олег ВОЛОВИК

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Михаил НОСОВ
Александр ЭБАНОИДЗЕ
Елен ДОРИС

США
Алексей ЦВЕТКОВ

Франция
граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№1⁽⁹⁹⁾
Январь 2014

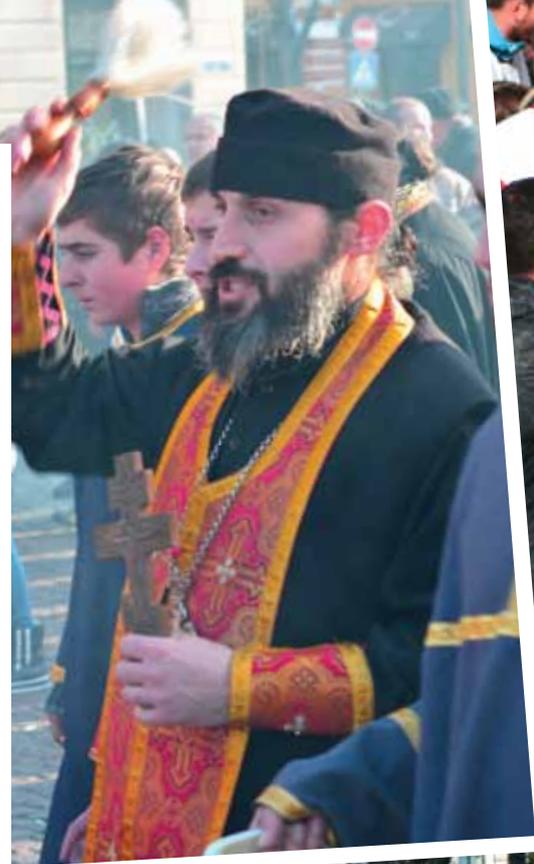
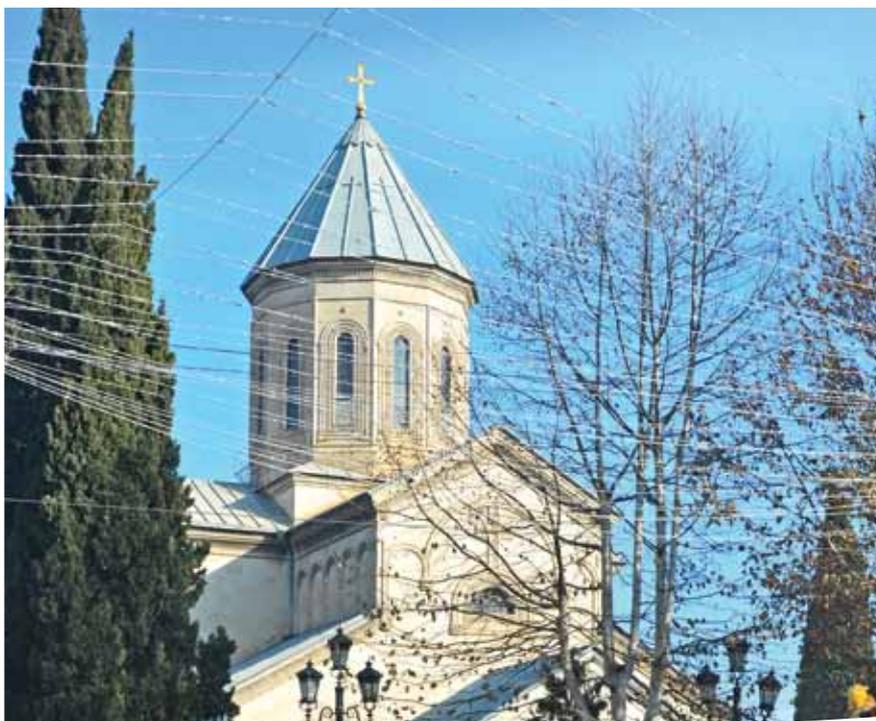
УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 АЛИЛО
- 6 СБЫЛОСЬ СОКРОВЕННОЕ
ИРИНА ШЕЛИЯ
- 9 ПОДАРКИ ОТ ДЕДА МОРОЗА
- 10 СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРЫЕ ДЕЛА
ИННА БЕЗИРГАНОВА, НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ
- 14 «МОЖНО ЛЬ ПУТЬ НА РОДИНУ НАЙТИ?»
ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ
- 17 БЕСКОРЫСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК С ЗОЛОТЫМ СЕРДЦЕМ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 20 СОТВОРЕНИЕ КРАСОТЫ
АРСЕН ЕРЕМЯН
- 24 «Я ТРОГАЮ СТАРЫЕ СТЕНЫ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 29 СУДЬБА КАК КИНОФИЛЬМ
АНАИДА ГАЛУСТЯН
- 32 КОНЦЕРТ МОЦАРТА
МОИСЕЙ БОРОДА
- 37 РОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ
МАРИЯ КИРАКОСОВА
- 40 ОЖИДАНИЕ ЧУДА
АЛЕНА ДЕНЯГА
- 42 КАК СОХРАНИЛИ «ЛИЦО ТЕАТРА»
МЕРИ МАЦАБЕРИДЗЕ
- 44 ПРЫЖОК ВАХТАНГА ЧАБУКИАНИ
БОРИС ДОБРОДЕЕВ
- 46 ПРИЗВАНИЕ
НИНО ЦИТЛАНДЗЕ
- 48 ЗОДЧИЙ С БЕРЕГОВ НЕВЫ
ТАМАЗ ГЕРСАМИЯ
- 52 ГОРА СВЯТАЯ ПРИНЯЛА ЕГО

На обложке – ПРЕСТИЖНАЯ ПРЕМИЯ «ЗВЕЗДА ТЕАТРАЛА»
ПРИСВОЕНА ТЕАТРУ ИМ. А.С.ГРИБОЕДОВА

ТРАДИЦИОННОЕ
РОЖДЕСТВЕНСКОЕ
ТЕАТРАЛИЗОВАННОЕ
ШЕСТВИЕ
“АЛИЛО”/“АЛЛИЛУЙЯ”/
НАСЧИТЫВАЮЩЕЕ
15-ВЕКОВУЮ ИСТОРИЮ,
СОСТОЯЛОСЬ 7 ЯНВАРЯ
В ТБИЛИСИ

Фоторепортаж **Александра Сватикова**

▲ На вручении премии «Звезда Театрала»

СБЫЛОСЬ СОКРОВЕННОЕ

Этот вечер театральной Москвы вместил в себя и радость, и печаль. Прославленный академический театр имени Евгения Вахтангова прощался с легендарным коллегой – народным артистом СССР Юрием Яковлевым, обожаемым миллионами зрителей. Намеченную в театре на 2 декабря торжественную церемонию вручения «Звезды Театрала» - ежегодной независимой театральной премии, где в качестве жюри выступают сами зрители – решили не отменять. Великий артист не одобрил бы этого. Дарить людям радость праздника, свой искрометный талант – в этом был смысл его жизни. И в этот вечер он, незримый, сыграл еще одну, очень созвучную своей сущности, благородную роль, придав своим уходом атмосфере знакового события в театральной жизни столицы не только светлую грусть, но и особую изысканность. Долгая овация, которую устроил дружно вставший переполненный зал в память о Юрии Яковлеве, словно задала тон деликатности, дружелюбия и теплого человеческого единения всему, что происходило в дальнейшем. И это настроение было достойно сохранено до последней минуты празднества.

Для каждого из нас, тбилисских москвичей, вечер этот был наполнен особо волнительным ожиданием. В 2013 году впервые в истории «Звезды Театрала»

была учреждена номинация «Лучший русский театр за рубежом», и в этом разделе среди многочисленных профессиональных претендентов на премию оказался и наш Тбилисский государственный академический русский драматический театр имени А.С. Грибоедова.

Неисповедимы пути Господни. Они все возвращают на круги своя. В уютном театральном зале символически переплелись прошлое и настоящее. Издательский дом «Новые Известия», учредивший одноименную газету, а позже – и премию «Звезда Театрала», в конце 90-х годов основал блестящий журналист Игорь Голембиовский, до того на протяжении семи очень трудных лет возглавлявший российскую газету «Известия». Голембиовский – коренной тбилисец, всей душой оставившийся им до раннего конца своих дней. И вот – спустя многие годы – в центре Москвы, на воспетом Булатом Окуджава Старом Арбате, на сцене Театра имени Вахтангова номинантов конкурса приветствует нынешний директор Издательского дома и главный редактор газеты «Новые Известия» Валерий Яков – один из самых ярких и отчаянно смелых журналистов известинской команды Голембиовского: вехи его творческой биографии обозначены высокими государственными наградами за репортажи после катастрофического Спитакского землетрясения в Армении в декабре

1988 г., из Белого Дома в октябре 1993 г., из больницы в городе Буденновске во время террористической атаки в июне 1995г. и других «горячих точек». Валерий Васильевич – неординарная личность, он, как магнит, притягивает к себе не только всех честных и талантливых журналистов, но и творческую интеллигенцию, которая видит в нем убежденного защитника славных традиций и ценностей культуры. Многие из этих единомышленников, мастеров театрального искусства России пришли на торжественную церемонию, радовались встрече друг с другом, ничуть не скрывали своего особого расположения к грузинской делегации, к ее руководителю, видному театральному и общественному деятелю, заслуженному деятелю искусств России, директору Тбилисского театра имени А.С. Грибоедова Николаю Свентицкому. Московская театральная элита прекрасно знает о значении грузинского сценического искусства, и, конечно – о вкладе этого человека в сохранение и укрепление российско-грузинских культурных связей. Основатель и президент Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб», учредитель журнала «Русский клуб» Николай Свентицкий в труднейших условиях проделал большую работу по мобилизации тбилисской русскоязычной творческой интеллигенции. То, что эта часть грузинского общества сохранила свой потенциал, продолжает активную профессиональную деятельность, стремится сохранить контакты с российскими коллегами и друзьями, расширить эти традиционные взаимоотношения, очень много значит для россиян, которые знают и любят Грузию, ее яркое самобытное искусство.

Сцены из спектакля «Холстомер. История лошади» ▲►

Перед вручением творческой награды на сцену вышла известная русская певица-бард Галина Хомчик. Изысканная голубоглазая блондинка с гитарой запела на грузинском языке «Тбилисо». Зал, и без того наэлектризованный высокими чувствами, замер. И было в той кристальной тишине нечто неподвластное силе зла. Вечно живое. Незыблемое. Неприкасаемое. Были море улыбок сквозь светлые слезы и шквал аплодисментов.

Вдохновенное исполнение «Тбилисо» перед обнаружением победителя «Звезды Театрала» в номинации «Лучший русский театр за рубежом» провозвестием о победе Тбилисского театра имени Грибоедова! Московские театралы, тысячи столичных зрителей отдали свои голоса и симпатии творческой

деятельности и спектаклям русского театрального коллектива из Грузии. Николаю Свентицкому была вручена «Звезда Театрала» – фарфоровая фигурка мима, который держит в руках золотую звезду (работа дизайнера Фабрицио Сманиа).

Сценическое воплощение повести «Холстомер» Льва Толстого заняло особое место в богатой коллекции театральных шедевров великого режиссера Георгия Александровича Товстоногова, долгие годы бессменно руководившего ленинградским Большим драматическим театром. Никому не удавалось с такой достоверностью и глубоким проникновением в философскую и психологическую суть «прочитать» бесконечно трогательную и актуальную во все времена историю, как это сделали Георгий Товстоногов – уроженец столицы Грузии, в начале своей блистательной карьеры поставивший не один спектакль в тбилисских театрах имени Грибоедова и юного зрителя, и его любимый актер Евгений Лебедев, который в 1940-1949 годах работал в Тбилиси, любил наш город и считал его своим родным. Все дальнейшие попытки постановок «Холстомера» становились либо беспомощным копированием спектакля БДТ, либо и вовсе терпели фиаско.

Очень я волновалась, подъезжая к сияющему огнями зданию Московского губернского театра Сергея Безрукова, где инсценировка «Холстомер. История лошади» в постановке художественного руководителя Театра имени Грибоедова, лауреата Государственной премии Автандила Варсимашвили венчала заключительный этап XI Международного театрального форума, составной части IV Международного славянского форума искусств «Золотой Витязь». Творческими соперниками грибоедовцев были русские театры из России, Украины, Белоруссии, Сербии, Болгарии и других стран православной традиции, представившие на конкурс 25 своих лучших постановок. Как воспримет искушенная московская публика новую версию «Холстомера», столь звездного на литературном и театральном небосклоне?

Вереницы припаркованных машин, большие группы людей, спешащих от метро к театру. И, конечно, Николай Свентицкий в элегантном костюме, без головного убора (в

этот ветреный снежный вечер), окруженный московскими театрами с букетами цветов. Отлично! - мелькнуло в голове. И совсем я успокоилась, прочитав в программке очень деликатное посвящение спектакля памяти Товстоногова и Лебедева. Почему-то сразу появилась уверенность, что мы увидим самобытное, захватывающее эстетическое действо.

Безусловной удачей режиссерской инсценировки «Холстомера» стала ее абсолютная самостоятельность. Подчеркнута линия критической оценки мыслящим существом нравственного перерождения человека, института собственности – оценки прямой и опосредованной, обозначенной Виктором Шкловским на примере этой повести Льва Толстого, как прием «остранения». И, конечно, умным и чутким режиссером Автандилом Варсимашвили проявлено бережное отношение к основе произведения русской классической литературы. Чрезмерное рвение к «осовремениванию» классики – давно набившая оскомину беда сегодняшнего театра в целом. Версия грибоедовцев, при всей ее визуальной современности, избежала упроще-

ния сути мудрости великого русского писателя. Соответствие определенным требованиям зрелищности сегодняшней театральной реальности достигается здесь рисунком пластического решения темы. Убедительным оказался режиссерский ход в решении образа главного героя. Холстомер, представленный в трех ипостасях, в трех разных временных измерениях, представляет зрителю трагическую историю лошади во всем объеме толстовского живописания и философского осмысления образа. Не явно, но подспудно ощущается намерение режиссера-постановщика выстроить по-своему интонированную концепцию смыслов и подсмыслов толстовской повести, и в полемике с авторитетными предшественниками он опирается на опыт творческого дерзания в ранее осуществленных им постановках сценических версий «Гамлета» Шекспира, «Мастера и Маргариты» Булгакова, «Кавказского мелового круга» Брехта...

Не буду углубляться в разбор спектакля, думаю, о нем говорилось и еще будет сказано много. Но, признаюсь, мне, уже давно не поддающейся воздействию театральных страстей, несколько раз пришлось прослезиться: была глубоко тронута искренним и очень изящным драматизмом старого Холстомера в исполнении замечательного, эмоционально трепетного актера Валерия Харютченко. (За исполнение роли Холстомера он награжден Золотым дипломом XI Международного театрального форума «Золотой Витязь» - Ред.)

Многих добрых слов заслужили создатели спектакля, его лаконичная и емкая сценография, яркие неожиданные находки художника Мириана Швелидзе, впечатляющая музыка композитора Зазы Коринтели и органичное ее оформление Элисо Орджоникидзе, профессиональные достоинства актеров. Щедрым и согревающим душу предновогодним подарком стала впечатляющая победа Тбилисского театра имени А.С. Грибоедова в Москве, и понятно воодушевление, с которым принимала его московская театральная публика. Осыпая цветами и овациями. Как самых дорогих и родных людей.

В зале Церковных Соборов Храма Христа Спасителя на торжественном закрытии IV Международного славянского форума искусств «Золотой Витязь», «Холстомер» грибоедовцев был удостоен главной награды – Гран-при этого почетнейшего форума, полученной из рук его президента, члена Патриаршего Совета по культуре, народного артиста России Николая Бурляева.

Двойная победа русского театра из Грузии в столице России – Москве!

Ирина ШЕЛИЯ
г.Москва

ПОДАРКИ ОТ ДЕДА МОРОЗА

По уже сложившейся доброй традиции Тбилисский государственный академический русский драматический театр имени А.С. Грибоедова и Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» пригласили маленьких зрителей и их родителей на благотворительную новогоднюю программу. Она, как всегда, была весьма насыщенной и разнообразной и включала целый ряд представлений – «Двенадцать месяцев», «Чиполлино», «Алые паруса», «Аленький цветочек», «Морозко», «Рождественская сказка», «Сказка о царе Салтане», а также премьеру музыкальной сказки «Золушка» по любимой всеми поколениями зрителей пьесе Евгения Шварца. Спектакль поставили худрук театра Авто Варсимашвили и молодой режиссер Георгий Чхаидзе. В новогодних представлениях была занята вся труппа театра Грибоедова – она с удовольствием показала свое искусство юным зрителям. По окончании праздничного спектакля дети получили в подарок сладости и яркую книжку «Доктор Айболит» Корнея Чуковского – это красиво оформленное двуязычное издание (художник – Соня Элиашвили), выпущенное «Русским клубом» к 85-летию со дня выхода этой замечательной сказки в свет. В книжку включены русско-грузинский словарь, веселые задания, интересные вопросы и кроссворды. Пятый год подряд МКПС «Русский клуб» в серии «Детская книга» выпускает адаптированные издания для юных грузиноязычных читателей, – эти чудесные книжки, созданные с любовью и вкусом, пользуются у них неизменным успехом. Сказку «Айболит» получили в подарок более пяти тысяч детей.

Большая новогодняя премьера состоялась за несколько дней до наступления Нового года. Она прошла с большим успехом. Более 800 маленьких зрителей, пришедших на спектакль, получили огромное

удовольствие от этого театрального праздника. Среди тех, кто от всей души аплодировал актерам, перевоплотившимся в образы героев «Золушки», были и дети с ограниченными возможностями, – в новогодние дни это уже тоже стало доброй традицией.

Ежегодно в дни новогодних каникул МКПС «Русский клуб», при поддержке Международного благотворительного фонда КАРТУ, проводит масштабную художественно-благотворительную акцию. Билеты на спектакли безвозмездно переданы школам Тбилиси и различных регионов Грузии, приглашены воспитанники детских домов, школ-интернатов и реабилитационных центров.

С 27 декабря 2013 по 24 января 2014 в театре им. А.С. Грибоедова было показано 36 представлений, которые посмотрели более 20 тысяч зрителей.

В канун Рождества Христова воспитанники одного из тбилисских детских домов получили подарки от Международного благотворительного фонда «Карту» и Международного культурно-просветительского Союза (МКПС) «Русский клуб». Этот детдом семейного типа был открыт несколько лет назад после того, как семья экс-премьера Бидзины Иванишвили пожертвовала средства на его здание. При нем действует Дневной центр для детей из социально незащищенных семей. Ежедневно сюда приходят около двадцати воспитанников. Детский дом находится под патронатом благотворительного фонда «Наш дом», основанного заслуженной артисткой Грузии Нинель Чанкветадзе.

От фонда «Карту» и «Русского клуба» ребята получили в подарок сладости и книги «Айболит» Корнея Чуковского, «Рождественский подарок» Ильи Чавчавадзе и «Аленький цветочек» Сергея Аксакова.

Соб. инф.

СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРЫЕ ДЕЛА

В декабре актер театра и кино Сергей Безруков выступил в Тбилиси, в своем знаменитом музыкально-поэтическом спектакле «Хулиган. Исповедь», на два часа перевоплотившись в Сергея Есенина, любимого им с детства. Публика, собравшаяся в Тбилисском концертном зале, оценила многогранность искрящегося таланта Безрукова – в спектакле он читает стихи, поет, танцует, легко «держит» зал благодаря своей невероятной энергетике и обаянию. В этом ему помогают солисты балета под руководством Антона Крамера, ансамбль Inter Folk Band и бэк-вокал.

Сергей Безруков лепит образ поэта-хулигана «с головой, как керосиновая лампа, на плечах» - отчаянного парня и одновременно тонкого, глубокого лирика, философа, настоящего русского поэта с острым чувством родины. Самоотдача у актера бесстрашная – он совершенно не щадит себя, работает на пределе эмоций и физических сил. Есенин Безрукова обладает бешеным темпераментом и в то же время нежен, глубокий ум в нем сочетается с наивностью ребенка, открытость всему миру – с одиночеством. В спектакле озвучен огромный пласт поэзии Есенина – самые разные, хорошо знакомые многим стихи, раскрывающие его сложный, противоречивый внутренний мир. Интенсивность переживаний поэта настолько сильна, что актеру недостаточно стихотворных слов, и тогда поэзия трансформируется в музыку и пластику. А на экран проецируется лицо Сергея Безрукова. Особенно удачно этот прием сработал в эпизоде, связанном с поэмой «Черный человек». На экране мы видим мгновенное перевоплощение актера, становимся свидетелями мучительного диалога поэта со своим альтер эго. В других же сценах на экране – родина поэта, «голубая Русь».

Сергей Безруков настолько проникся личностью Есенина, что невольно возникает мысль о реинкарнации. Его Есенин покорила тбилисскую публику. В финале нескончаемые овации взорвали переполненный концертный зал.

Это уже третий приезд актера в Грузию за довольно короткий промежуток времени. Сначала он познакомился с тбилисским зрителем в рамках международного театрального фестиваля, представ в образе Глумова в спектакле МХТ «На каждого мудреца довольно

простоты» Островского. А потом приехал в качестве почетного гостя на кинофестиваль «Золотой Витязь» в Грузии». И вот – третий приезд, принесший Сергею Безрукову триумф. Вместе с ним в Тбилиси побывала красавица супруга, актриса Ирина Безрукова. Артист обещает еще не раз приехать в Грузию, которую успел всей душой полюбить.

Сергей Безруков – человек открытый, приветливый и доступный. Но тот же Безруков – закрыт, избирателен и сдержан. Вообще-то вашим корреспондентам повезло – каждой из нас он отвечал обстоятельно и ни на секунду не дал повода усомниться в своей искренности. Но если после спектакля «Хулиган. Исповедь» нам, филологам, показалось – ну, наконец-то мы почувствовали, поняли, каким на самом деле был Есенин, то после интервью пребывали в некотором замешательстве. Каким загадочным Безруков приехал, таким и уехал. А, впрочем, артисту таким и полагается быть. Вот он на сцене – весь ваш, весь нараспашку. Но закрылся занавес, и закрылся артист.

- Однажды вы сказали, что ваше первое выступление в Тбилиси было громким. Вы имеете в виду некоторые аллюзии, родившиеся у грузинской публики в связи с образом Глумова?

- Выступление было громким, потому что это замечательная пьеса Островского «На всякого мудреца довольно простоты». Она пятнадцать лет шла на сцене московской «Табакерки» с неизменным успехом. И будет теперь идти на сцене Московского губернского театра. Я возглавил Московский областной дом искусств, а по совместительству – Московский губернский театр, придуманный мной. Идею нового театра я предложил губернатору Андрею Воробьеву, тогда еще исполнявшему обязанности губернатора. Два областных театра, находившиеся на одной площадке, объединились, и родился Московский губернский театр. Такого раньше не было – это первый и единственный театр с таким названием. Так что сейчас я официально являюсь представителем Московской губернии. Наш театр отражает общественное настроение – это классическое направление. И это очень ответственно. Что касается «Мудреца...» - когда спектаклю пятнадцать лет, то думаешь, что пора уже его снимать. Я начинал играть

своего героя Глумова, которому по пьесе лет 24-25, в тот период, когда мне было столько же. Но время идет, и в сорок лет, наверное, уже можно было бы поставить точку...

- *Сорок лет – это совсем не про вас!*

- Я понимаю. Тем более, что спектакль уж больно успешный, и я предложил «Табакерке»: «А давайте играть этот спектакль в Московском губернском театре!» Театр Олега Табакова пошел нам навстречу, и спектакль будет продолжать жить. Он будет идти на сцене Московского губернского театра один раз в месяц. Это спектакль, проверенный успехом у зрителя. Современнее некуда. Если вы думаете, что спектакль только в Тбилиси прозвучал остро, причем абсолютно из-за моего творческого хулиганства, то ошибаетесь. Мне много раз говорили: «И как это вас не запретили в России?» Потому что все, о чем говорится в этом спектакле о Питере, о чиновниках, бьет не в бровь, а в глаз. Но это Островский! Ничего лишнего нет в этом спектакле. Звучит текст автора, великого драматурга XIX века Александра Николаевича Островского. Из всех русских авторов он самый, может быть, уникальный тем, что смог собрать в своих пьесах потрясающие русские характеры представителей разных сословий. Он очень точно их описывал и в то же время затрагивал вечные темы – честь и достоинство, большие деньги, совесть, любовь. Но Островский, в первую очередь, говорил о России. Каждый персонаж его драматургии говорит об этом. Читаешь любую его пьесу и понимаешь, что все это про нас, про нас! Поэтому первая пьеса, которую я поставил на сцене Московского губернского театра, принадлежит этому драматургу. За основу спектакля я взял «Бешеные деньги» - актуальнее не придумаешь. «Нашла коса на камень» – первоначальное название этой пьесы. Все, о чем в ней говорится, к сожалению, вечно. И пороки вечны, и коррупция. Что на самом деле есть и с чем сегодня борются в России. Я рад, что Министерство обороны у нас сейчас возглавляет Сергей Шойгу. Я состою в Общественном совете при Министерстве обороны и вижу, сколько действительно полезного и значимого делается. Это очень важно – делать хорошие дела. Дела делаются, и очень хорошие, к примеру, в Московской губернии я вижу реальные подвижки! Я никогда не относился ни к каким политическим течениям, но мне действительно всегда нравились хорошие дела. Невзирая на политические воззрения, спешить делать хорошие дела, господа! Это запомнится. Политические страсти со временем улягутся, утихнут. Помнить человека будут по делам его. Это самое главное. Люди самых разных убеждений, вероисповедания, национальной принадлежности могут быть похожи в добрых поступках. То есть доброе дело может объединять – вот что самое важное!

Однажды я предложил Андрею Воробьеву идею, которая в итоге была реализована. 6 сентября впервые в истории России состоялся спектакль «Пушкин», который был представлен еще и для людей незрячих. Мы закупили для них специальное оборудование. Незрячие тоже хотят «видеть» спектакли, они не хотят существовать изолированно. К нам пришла певица Диана Гурцкая, благодарила. «Я увидела спектакль!» - сказала она. Это благодаря тифлокомментированию, о котором практически никто не знает: лаконичное описание предмета, пространства или действия, которые непонятны слепому без специальных словесных пояснений. Есть целый институт, где готовят специалистов, и моя супруга Ирина взяла это на себя. На кого я могу полагаться? Только на родных и близких, которые всегда рядом, поддержат. Вместе с другими актрисами Московского губернского театра она прошла серьезное обучение по тифлокомментированию. Текст спектакля специально раскладывается для незрячего, который слышит только слова и не имеет представле-

▲ Сергей Безруков в ролях

ния о том, что происходит на сцене. Обычно такие люди переспрашивают тех, кто рядом: «Что, что он делает?» В этом случае очень важно подавать точные реплики, чтобы образ, возникший у незрячего человека, был точным, чтобы он не отвлекался, не терялся. Скрупулезная точность – это так называемое горячее тифлокомментирование. Для этого необходим очень подвижный ум, нужно долго заниматься.

- *Нужна ведь еще и быстрая реакция?*

- Абсолютно. Спектакли ведь идут по-разному, паузы разные, и нужно не помешать актеру, избежать накладок. Ты должен очень тонко, аккуратно сказать

▲ Сергей Безруков в спектакле «Хулиган. Исповедь»

о том, что делает актер. Диана Гурцкая подчеркнула, что незрячие люди такие же, как все остальные. Молодой незрячий человек хочет прийти на спектакль так же, как обычные зрители. Вместе со своей девушкой. Им не нужно каких-то особых льгот: вот их специально привезли в театр! По международной конвенции люди с ограниченными возможностями или, как говорят на Западе, с особенными потребностями, имеют право пользоваться услугами досуга, ходить в театр, в кино и т.д. Россия подписала этот документ в 1999 году. Но не все театры имеют такие возможности. Наш губернский театр оборудован специальным лифтом для инвалидов, в который они могут заезжать по пандусу, и наравне со всеми смотреть спектакли. Так мы определили с Андреем Воробьевым: Московский губернский театр, доступный для всех. Добрые дела реальны. Только нужно стараться, нужно думать о людях.

- Ваш спектакль «Хулиган. Исповедь» посмотрели в Тбилиси две с половиной тысячи человек.

- Я очень рад, что приехал сюда с «Хулиганом». Поэт выходит на сцену и исповедуется перед зрительным залом. А на исповеди человек не врёт. Он открыт. Он рассказывает о любви, о счастье, о родине. В нашем спектакле выступают потрясающие танцоры, музыканты. Это – мистерия. Я играл «Хулигана» во многих городах России, за рубежом, в США и Канаде. И видел, как зрители реагируют. Причем зрители, у которых другая родина, другая национальность. Но они произносят в конце «я русский!» Вместе с Есениным. Они чувствуют, что человек переживает, когда говорит о родине. И это называется «солидарность» - то самое единение людей, понимающих, сочувствующих, признающих в любви к гению, убитому в 1925 году. Есенин по всем социальным опросам занимает первое место среди поэтов, обогнав по популярности Пушкина, Высоцкого. Он близкий, родной, любимый...

- Трагический поэт...

- Они все были трагическими поэтами. Но Есенин ближе всех народу. В XXI веке, когда люди практически не читают книг, Есенина любят, чувствуют, воспри-

нимают. Есенин любил Грузию, Тбилиси. Я тоже очень люблю эту страну, может быть, так, как герои, которых я играл. У меня в Грузии много друзей. Вспоминаю классиков, которых тянуло на Кавказ. Волею судьбы, поневоле – потому что на Кавказ раньше ссылали. И, тем не менее, любовь, которую передали нам классики, сохранилась в их стихах, прозе. Они восхищались Грузией, грузинским народом. Сергей Есенин дружил с великими грузинскими поэтами Паоло Яшвили, Тицианом Табидзе. Слушал грузинские тосты. Один из них хочу повторить: «Пусть твой враг будет такой же пустой, как эта чаша!»

В день рождения поэта я сыграл «Хулиган. Исповедь» в Кремле. Когда-то Троцкий вызывал Есенина в Кремль, предлагал возглавить журнал крестьянских поэтов. Есенин отказался, потому что понимал – это подстава, придется отвечать за то, что они будут там печатать. Троцкому крестьяне были ненавистны, ведь они мешали мировой революции. Их же невозможно оторвать от земли – она дает русскому народу невероятную силу. И крестьянство уничтожили. Потом были колхозники, теперь – фермеры... Конечно, Есенина вызвали в Кремль не для того, чтобы ему что-то подарить – его хотели испытать, но он не пошел на поводу у властей. А потом была встреча со Сталиным Пастернака, Маяковского и Есенина – речь шла о том, что грузинских поэтов нужно переводить на русский язык. Есенин был наверняка не против этого, но не случилось. Как это у Галактиона Табидзе? «Дрошеби чкара!» Я бы очень хотел пригласить на нашу сцену театр имени Шота Руставели. Так что будем дружить.

- Сергей, кончилось ли для вас время учебы?

- Я думаю, это время никогда не кончается. Всегда, когда смотришь новые интересные фильмы, следишь за игрой актеров, продолжаешь чему-то учиться – у коллег, у других мастеров. И, конечно же, это будоражит душу художника.

- Что для вас является показателем творческого роста артиста?

- Удивление, которое испытывают зрители, когда

Джоджа!!!
 «Русскому клубу»
 Безирганова

смотрят твою очередную работу. Вообще – когда ты не перестаешь удивлять.

- Пушкин писал: *зависть – сестра соревнования, следовательно, хорошего рода. В этом смысле вы завистливый человек?*

- Каждый раз, посмотрев хороший спектакль или фильм, получаешь колоссальный импульс сделать что-то свое, что-то новое. Потому что это серьезно волнует воображение. Ты начинаешь заряжаться этой энергией. Ты видишь, насколько здорово получилось у дру-

гих, и тебе хочется сделать так же здорово. Но только по-своему.

- *Это соревнование?*

- Нет. Это допинг для твоего собственного развития.

- *А чувство соперничества вам знакомо?*

- Ну, какое-то соперничество, наверное, есть всегда. Просто я стараюсь о нем не думать. Это иногда довольно сильно мешает. Вообще не надо ни с кем соревноваться – у каждого актера, известного, неизвестного, есть собственная ниша. Необязательно большая или огромная, нет. Просто она своя. И у каждого – свои поклонники, которые считают, что ты самый лучший. Самое главное – не надо пытаться быть лучше других и доказывать, что твоя ниша гораздо главнее. Надо оставаться самим собой.

- *Публику нельзя обмануть?*

- Обмануть? Нет. Надо работать честно. А что касается публики, во многом виновато телевидение, что публика порой вкусово начинает деградировать. Люди в этом не виноваты. Они тянутся к искусству – хорошему, настоящему. И мы, с нашей стороны, должны не-

сти ответственность за то, что делаем. Вот и все. Ничто никогда не проходит незамеченным. Поэтому каждый раз, когда ты даешь добро на участие в съемках, спектаклях, вообще – любых проектах, помни: это будут смотреть люди. И ты тоже ответствен за то, какой вкус им прививается.

- *Кто из артистов вас восхищает?*

- Хоффман, Аль Пачино, Кейн. Малкович поражает. Николсон. А великих русских актеров можно перечислять и перечислять. Этот список в российском театре бесконечен. Олег Табаков, Евгений Евстигнеев, Юрий Яковлев, Олег Янковский... Люблю их и преклоняюсь перед ними. А грузинские актеры! Помню в мой прошлый приезд в Тбилиси на спектакль «На всякого мудреца довольно простоты» пришел Отар Мегвинетухеси. Он когда-то во МХАТе играл «Антигону» с Мариной Зудиной по приглашению Олега Табакова. В те годы я еще только начинал в «Табакерке». И вот он подошел после «Мудреца...» А я, как вам уже говорил, похулиганил тогда – в спектакле произнес несколько фраз по-грузински. И Отар сказал: «У тебя хороший грузинский язык». И добавил: «Как ты вырос, Сергей. Я тебя поздравляю». Услышать такие слова от великого актера...

- *Какое прекрасное у вас качество – способность восхищаться коллегами.*

- Вот порой смотришь современный фильм и видишь: собрали пестрый состав – одного очень хороше-

го актера, других – чуть похуже, остальных – совсем начинающих. А когда смотришь советское кино, поражаешься: каждый артист, даже тот, кто выходит в небольшом эпизоде, – суперпрофессионал. Это великие фильмы, потому что в них снимались мастера. Так же и в театре. Если вспоминать спектакли, к примеру, Товстоногова – боже мой, на сцене сплошь великие актеры! Никогда не бывало такого, что играет один выдающийся актер, а рядом – некий гарнир. В БДТ каждый был первым. Стрельчик, Басилашвили, Лавров, Юрский, Копелян, Луспекаев, Доронина, Шарко, Лебедев, Борисов... Во МХАТе – Смоктуновский, Ефремов, Богатырев... И все – на одной сцене! В одном спектакле! Это просто чудо. Уникальное явление. Вот моя мечта как художественного руководителя – чтобы на одной сцене все были профессионалами. Все абсолютно.

- *Желаем вам этого от всего сердца.*

- Спасибо большое.

Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

▲ Юрий Кобрин, Олег Воловик, Гурам Одишария и Даниил Чкония на поэтическом фестивале. Грузия. 2013

«МОЖНО ЛЬ ПУТЬ НА РОДИНУ НАЙТИ?»

«Энциклопедия Кругосвет» поэта, прозаика, переводчика, литературного критика Даниила Чкония впечатляет: родился в Порт-Артуре (Льюшуне), школу закончил в Жданове (Мариуполе), затем оказался в Тбилиси, потом в Москве, с 1996 в Кельне, где работает не просто гидом, а я бы сказал, «художником-экскурсоводом». Потому что прогулки с Чкония славятся среди туристов как «ходячие романы», иногда с поэтическими вставками, то лирическими, то юмористическими.

Вот и на VI Международном русско-грузинском поэтическом фестивале, во время прогулки по Старому городу, Даниил сразил меня воспоминанием об «экскурсии», проведенной некогда Нодаром Думбадзе для гостей-литераторов, впервые прибывших в Тбилиси: «Выезжаем на проспект имени Руставели, далее кинотеатр имени Руставели, драматический театр имени Руставели, Институт грузинской литературы имени Руставели, а напротив – памятник Руставели!»

Спасительное свойство грузин – умение посмеяться над собой, вспомним хотя бы наши неподражаемые короткометражные фильмы. Но жизнь полна коллизиями отнюдь не всегда светлых оттенков.

- Самым драматическим был твой отъезд из Москвы в эмиграцию. Знаю, нелегко об этом вспоминать, историю с «Памятью»...

- До 1989 года я был «невыездным», тем более, из Москвы, где тогда работал. Но когда железный занавес окончательно пал, пришло приглашение от моего друга, профессора Джеральда Янчека, посетить университет Кентукки. Из-за океана я привез диктофон – игрушку, по тем временам диковинную. Был очень доволен, на все собрания ходил без забот, «машина зверр, слуши, все сама запишет». И вот, на одну из встреч всесоюзной ассоциации писателей в поддержку перестройки «Апрель» 18 января 1990 года в ЦДЛ, явились незваные гости – молодчики из националистической организации – общества «Память». Командовал ими маленький человечек, некоторые из них

были в черных рубахах и черных сапогах. Слышались выкрики: «Иностранцы, вон из России!» Добры-молодцы пустились в рассуждения со сцены о том, что все беды России – от нерусских, что чужеземцы губят русскую литературу, а диктофон-то мой, в кармане забытый, все пишет. «Сегодня мы пришли с плакатами, а завтра с автоматами!» - такой кодой они увенчали свой набег. В зале они затевали потасовки, один из них вступил в перепалку с женщиной-еврейкой, бросился на нее с кулаками, но я оказался рядом и встал между ними, оттащил его. Почти уверен, что это был тот самый ныне депутат, которым давно и неустанно интересуется полиция одной из ведущих европейских стран в жажде добыть показания в связи с нашумевшим убийством. Драка завязалась, стычки пошли. Досталось писателю Анатолию Курчаткину, ему еще и очки разбили. А когда под шумок появления милицейских одиозный Константин Смирнов-Осташвили вышел из ЦДЛ, его увезли на служебной черной «Волге».

- Объясни мне, Даниил, если они на дух не переносят иноземцев, откуда в их рядах появляются «швили» и «маны»?

- Просто надо погромче русских кричать: «Бей черных!» и «Бей жидов!» Вот тебе и пропуск.

А меня два дня спустя вызвали в прокуратуру для дачи показаний. Причем следователь по телефону сообщил, что им известно об имеющейся у меня записи и предупредил, что ее должны изъять для соответствующих процедур. Я изъявил готовность, снял копию и

отдал запись приехавшему за кассетой чиновнику. Потом был суд. После дня, когда я выступал свидетелем, адвокат «Апреля» Анатолий Макаров сказал, мол, после точных и честных ответов Чкония, у суда вопросов больше нет. Смирнова-Осташвили осудили на два года лишения свободы с отбыванием срока в колонии усиленного режима. За несколько дней перед досрочным освобождением он был найден повешенным на простойне. Многие считают, что Смирнов-Осташвили был убит, говорят о «зверском, ритуальном убийстве». На его теле были обнаружены следы физических истязаний. Согласно позиции Исраэля Шамира, изложенной в журнале «Наш современник», Осташвили оказался вовлечен в провокации международного масштаба, «способствовавшие дестабилизации Советского Союза и ускорившие крах советской государственности». За что и последовала расплата. Меня вызывали в суд, защитница Смирнова-Осташвили была настоящими профи – она расставляла силки для свидетелей виртуозно. Меня, например, «ловили» вопросом – видел ли я, как Курчаткину разбили очки. На этом простом вопросе «подлавливали» многих писателей, которые в пылу негодования «свидетельствовали» о том, чего не было или чего они не могли видеть, поскольку находились в другой части зала, где были свидетелями других событий. Я не попался, потому что не врал – сказал, что был вне поля обзора этой стычки. Так же обошел и все прочие ловушки, не навязывая подсудимому того, чего не было. Сам Осташвили сказал: вот, наконец, честный свидетель, ничего не выдумывает! Но это сработало против него. Потому что там, где я подтверждал его поступки, доверие суда было полным. Потом пошла ком-

▼ Даниил Чкония

пания в «патриотических» газетенках, где фигурировал и я, а читателям предлагалось по указанному домашнему моему телефону или адресу выразить отношение «русских патриотов», начались звонки с угрозами, с предупреждением, что знают расписание и маршруты передвижения моих детей. И когда жизнь членов моей семьи оказалась под угрозой, я эмигрировал.

- Как развивались события в Кельне?

- Началась полоса творческого сотрудничества – вел приложение «Литературные ведомости» к одной из газет, рубрику «Литературный Рейн» в журнале

▲ Участники поэтического фестиваля в Батуми

«Партнер», был членом редколлегии журнала «Родная речь», в 2005 году стал главным редактором журнала русской литературы «Зарубежные записки», за который был в 2011 году отмечен специальным дипломом Русской премии, а ранее – в 2006 году – дипломом Международного фестиваля искусств русского зарубежья имени Чехова. Сейчас, помимо редактирования возрожденного после перерыва журнала «Зарубежные записки», являюсь замом главреда журнала «Эмигрантская лира», который издает общество одноименного фестиваля. Кроме Александра Мельника, который является создателем фестиваля, я единственный член жюри, работающий со дня основания фестиваля. По сей день являюсь председателем жюри конкурса молодых поэтов русского зарубежья – «Ветер странствий» в Риме.

До эмиграции все мои перемещения по стране были вполне плодотворны и логичны. После Мариуполя я какое-то время учился в Тбилиси в университете, участвовал в семинаре молодых литераторов Грузии. Потом перебрался в Литературный институт имени Горького в Москве и, по его окончании, меня пригласили консультантом в правление Союза писателей Грузии. Потом был переведен в Союз писателей СССР, где был консультантом по грузинской литературе, затем в издательстве «Советский писатель» работал в редакции поэзии народов СССР старшим редактором... До отъезда в Германию работал консультантом в аппарате комитета по образованию, культуре и науке Госдумы РФ. Вообще, ни в какую эмиграцию я всерьез никогда не собирался, но после той истории с «Памятью» про-

▲ На вечере памяти Равила Бухараева

сто уехал сам и увез семью. Поначалу в Германии был, конечно, момент растерянности. Ничего не мог придумать, кроме того, чтобы пойти искать место таксиста, но вот обрел вторую профессию и вожу автобусные экскурсии по странам Бенилюкса, по долине Среднего Рейна, по Кельну. Должен сказать, что в Германии и вообще в Европе очень сложно пробить издание какого-либо иноязычного печатного органа. У них улпертая позиция: пусть иностранцы адаптируются. Они не понимают, что это верно в отношении детей, а не взрослых, сложившихся людей, вынужденных покинуть родные края, увозя с собой и язык, и систему духовных ценностей, сформировавшуюся на этом языке.

- «Тяготы не испытав в пути – можно ль путь на родину найти?» - гласит восточная мудрость... Расскажи, чем фестивали, в которых ты – один из организаторов, отличаются от нашего, куда ты приехал в качестве участника?

- 17 городов – это в наше время рекорд, который трудно превзойти. Грузия раскрывается во всем своем богатстве и разнообразии традиций, культуры, стилей общения... Состав довольно-таки крепкий, профессиональный в большинстве своем. Это – тоже нечасто встретишь. И то, что участников приглашают и оплачивают их пребывание в стране, в наши дни встречается все реже. А «Эмигрантская лира», например, - фестиваль разноуровневый. И приезжают туда только за свой счет. Но за шесть лет его проведения образовалась своего рода литературная тусовка, собирается костяк авторов и членов жюри, среди которых – заметные фигуры – Алексей Цветков и Бахыт Кенжеев, Александр Кабанов и Андрей Грицман, Олеся Николаева... А конкурс «Ветер странствий» - это детище недавно

ушедшей от нас Елены Вадимовны Волконской, прапраправнучки красавицы пушкинских времен Зинаиды Волконской и родной внучки Петра Столыпина. Она пожелала поддержать молодых авторов, и по ее инициативе я возглавил жюри этого конкурса.

- Повернем калейдоскоп на грузинскую картинку. Вчера ты обмолвился о какой-то романтической истории, связанной с твоей бабушкой и «последним из голубороговцев» Колау Надирадзе.

- Я с ним успел поработать при весьма интересных обстоятельствах. Семейное предание гласит, что в юности в мою бабушку, кутаисскую гимназистку Надежду Гогоришвили, был пламенно влюблен Колау Надирадзе. Бабушка была родом из Вани.

- Откуда и корни Дани, как выяснилось в кафе на Майдане...

- Рифмуй, рифмуй, а зачем мы сюда приехали... Бабушка была благовоспитанная и гордая. И в 84 года ее называли образцом поведения за столом – осанка, обеденный этикет – это не гармонировало с советским «общепитом», но всем нравилось. Конечно, она твердо пресекала не в меру пылкие попытки познакомиться, тем более, ее, выросшую в патриархальной семье, не могло не смущать, что поклонник пользовался уже популярностью в литературных кругах. Но Колау все-таки подкараулил ее и бросил к ее ногам огромный букет цветов. Наденька убежала в ужасе, посчитала себя публично оскорбленной и скомпрометированной.

А спустя лет этак семьдесят, когда я работал в издательстве «Советский писатель», ведя книги переводов поэтов Закавказья и Северного Кавказа, приехал в Тбилиси – обсудить с Колау Галактионовичем структуру его нового большого сборника. Тогда он (доживший до 95 лет), пожаловался, что не та уже прыть, пишет все реже – не сравнить с молодыми годами. На что я не без ехидства заметил, что меньше надо было распалаться на метание букетов под ноги гимназисткам и беречь силы для духовных даров потомкам.

Он весь прямо загорелся: «А вы откуда знаете?» Ну, я и сказал – от бабушки. Он пустился в расспросы – да жива ли она, здорова ли, да как сложилась ее жизнь, и через два часа после встречи мы были уже не сотрудниками, а дружеским тандемом. И книга получилась «с душой».

Но что же это мы обделили вниманием Даниила Чкония как поэта? Что же ничего не говорим о его стихах? А зачем самим-то беспокоиться, все равно не скажешь лучше Александра Цыбулевского, тбилисского поэта, звезда которого зажглась в пору «оттепели». Рано ушедший от нас художник с трагической судьбой, Александр Цыбулевский был первым «Вергилием» на пути Даниила Чкония в литературу. «В стихах Даниила Чкония присутствуют врожденные достоинства, которым нельзя научиться», - таким был отзыв дорогого для Даниила человека. А в одном из своих сборников Даниил публикует стихотворение «Владелец шарманки» (по названию книги Цыбулевского), в котором, между прочим, нет ни слова о шарманке как таковой. Мелодия в стиле ретро звучит в самом стихе с его сдержанной тональностью и акварельностью ритмического рисунка. Это стихи о надежде: «Поманила – и столько наобещала,/ И едва не свела с ума./ Все начнется сначала. Начнется сначала./ Только выйдем за те дома».

Беседовал
Владимир САРИШВИЛИ

БЕСКОРЫСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК С ЗОЛОТЫМ СЕРДЦЕМ

Гибель Джумбера Беташвили (он был управляющим делами Совета Министров Абхазии, а во время войны 1992-1993 гг. был назначен госсекретарем Совмина) в страшные дни грузино-абхазского конфликта потрясла всех, кто знал этого удивительного человека, на протяжении всей жизни дарившего окружающим свою любовь.

▲ Джумбер Беташвили и Евгений Евтушенко

ОН РОДИЛСЯ...

...в 1939 году в Тбилиси, жил на улице Квали. Как рассказала вдова Джумбера Беташвили Нелли, известные тбилисцы, знавшие Джумбера Беташвили, - в их числе председатель редакционной коллегии Грузинской энциклопедии (1992-2006 гг) Автандил Сакварелидзе, поэт Джансуг Чарквиани, дипломат, общественный деятель Гела Чарквиани, специальный представитель премьер-министра Грузии по вопросам отношений с Россией Зураб Абашидзе написали в сакребуло Тбилиси письмо с просьбой назвать эту улицу именем Джумбера Беташвили. Учился он в школе №1, и его одноклассниками были Звиад Гамсахурдиа, Мераб Костава, Гела Чарквиани...

- Класс был великолепный! - рассказывает Нелли. - Джумбер учился в этой школе до 4 класса, а потом его отца перевели на работу в Сухуми. Отец и мать развелись, и Джумбера воспитывала бабушка. Отец был инженером-железнодорожником. У нас даже хранилась телеграмма времен Великой Отечественной от Анастаса Микояна, направленная в Министерство путей сообщения: «Пришлите инженеров типа Беташвили». Бабушка была чудесной женщиной, обожала своего внука. Она происходила из очень богатой купеческой семьи, и все средства, вырученные за ее драгоценности, пошли на образование сына - Сергей окончил Московское высшее техническое училище имени Баумана и Грузинский политехнический институт. В Сухуми Джумбер вместе с отцом и бабушкой жили в хорошей квартире в центре города на перекрестке улиц Лакоба и Ленина, около театра. Там был знаменитый киоск Лагидзе, возле которого собиралась так называемая биржа. Джумбер с детства любил джаз, ночами слушал знаменитых музыкантов, по первому звукам узнавал оркестр и исполнителей. Так что бабушка занималась шитьем и воспитанием внука по Lullaby of birdland Эллы Фицджеральд. На зов друзей «Джумбер! Джумбер!» восьмидесятилетняя «бебо Оля» отвечала с балкона, что его нет дома - «Джумбер пошел к Каунту Бейси». То есть слушает Каунта Бейси - американского джазового пианиста, органиста, знаменитого руководителя биг-бэнда. В Сухуми проводились джем-сейшены, на которые съезжались музыканты со всего Союза.

Как вспоминает Нелли Беташвили, Джумбер рано повзрослел - уже в 22 года работал в трех местах. Когда

они поженились, Нелли было всего шестнадцать, ему - двадцать два. У нее в кармане было три рубля, у Джумбера - ни копейки.

- Как он потом шутил, это я его украла: «у Нелли были деньги, а у меня нет».

Он очень любил Сухуми. Однажды мы с ним отправились в морской круиз в Румынию и Болгарию на теплоходе «Иван Франко». И когда мы вошли в сухумскую бухту и поднялись на палубу, я увидела, что Джумбер, глядя на открывшуюся прекрасную панораму, беззвучно плачет. «Я никогда отсюда не уеду!» - говорил он. Родился в Тбилиси, а стал сухумчанином! В этом городе он окончил сельскохозяйственный институт. Там организовали оркестр. Джумбер, самоучка, великолепно играл на контрабасе, гитаре и фортепиано. Когда Джумберу было лет 19-20, он поехал в Сочи, где гастролировал знаменитый американский джазовый оркестр под управлением Бенни Гудмана. Разумеется, все продвинутые сухумчане отправились туда. Как мне рассказывали очевидцы, Джумбер сидел в четвертом ряду, и на интересного молодого человека обратила внимание дочь Бенни Гудмана. Ее привлекли движения Джумбера, его реакция на музыку. Она поняла, что он хорошо чувствует джаз. Состоялось знакомство, и юная американка увлеклась грузинским юношей! Когда они гуляли в парке, за ними толпой шли молодые сухумчане - они говорили о том, какой туз выпал на долю Джумбера. У него была тогда прекрасная возможность уехать в США. Я жалею, что Джумбер не использовал этот уникальный шанс круто изменить свою жизнь. Во-первых, остался бы в живых, во-вторых, окунулся бы в любимый мир музыки, искусства. Все у него могло бы сложиться иначе... Ведь Джумбер был очень коммуникабельным и талантливым человеком, обладал уникальным даром объединения людей и общения. В 1972 году он был в Мюнхене на Олимпийских играх, где жил в семье и у него была возможность пользоваться «мерседесом». Шутил: «Зачем Политбюро тратить такие деньги на пропаганду СССР? Дали бы мне «мерседес», открытый счет и выпустили бы меня порулить по белу свету... Вот это была бы пропаганда!» Джумбер действительно обладал особым магнетизмом! Мы часто ездили в Дом творчества, Дом литераторов в Пицунде, и многие

российские красавицы-актрисы были покорены им!

Джумбер дружил с лучшими представителями русской интеллигенции, очень любил Россию, но в первую очередь – свою родину. Сухуми был интернациональным городом, где говорили преимущественно на русском языке. Я окончила русскую школу и практически не говорила по-грузински. Но Джумбер с первых дней нашей совместной жизни мягко, но настойчиво гнул свою линию, и я заговорила на грузинском. С детьми Джумбер тоже стал с самого начала общаться на родном языке. И, конечно, наши дети окончили грузинскую школу. Он любил людей разных национальностей. Нашего соседа-абхаза он просил разговаривать с детьми на абхазском языке, а мою маму – на мегрельском...

Позднее, окончив школу, наша старшая дочь училась в Москве в Первом медицинском институте. На столе ректора этого вуза лежали стихи Евгения Евтушенко, посвященные Джумберу. Ее опекали люди, любившие нашу семью, Грузию и в свою очередь отвечали добром и гостеприимством на наше отношение. Академик Владимир Сергеевич Семенихин занимался с нашей дочерью химией, биологией и великолепно подготовил ее к вступительным экзаменам. Мы с Джумбером очень часто приезжали в Москву, бывали на премьерах, банкетах. 60-летие поэта Александра Межирова мы отметили в нашей семье, в маленькой двухкомнатной квартире в Сухуми. Евгений Евтушенко, с которым Джумбера связывала крепкая мужская дружба, говорил, что Джумбер – «это тот грузин, который спит на раскладушке, но встречает весь мир...» И это, конечно, отзывалось добром. Очень часто Джумбер неожиданно звонил мне то из Горького, то из Москвы, чтобы сообщить, что повез очередного больного на операцию к Гавриилу Елизарову или Святославу Федорову.

ЖЕНЦИН И ДЕТЕЙ Я НЕ ОСТАВЛЮ...

- Помню, что в предчувствии трагедии я уговаривала Джумбера уехать из Сухуми в Москву, Киев, ведь у нас было очень много друзей, знакомых – поэты, актеры, журналисты, редакторы газет, - рассказывает Нелли. - Вся «Комсомолка» побывала у нас! Кто бы ни приехал

▼ Джумбер Беташвили с семьей

в Сухуми – все приходило к Джумберу. На мои уговоры уехать в большой город, он отвечал: «Я первый грузин, который встречает на абхазской земле гостей, по мне судят о грузинах в Абхазии! И я никуда отсюда не уеду». Джумбер нес это в себе. Он этим жил: главной его заботой было встретить гостей, показать им природу страны, представить ее культуру, традиции так, чтобы люди, посетившие Абхазию, навсегда ее полюбили. Джумбер был в Абхазии визитной карточкой Грузии и грузин. Не считать, сколько людей покидали Абхазию, влюбленные в эту землю.

Известный российский режиссер Савва Кулиш, отправляя своего друга в Сухуми, говорил, что Джумбер Беташвили – самый красивый и самый добрый из всех людей, и его все знают.

В Сухуми мы познакомились и подружились с семьей известного экономиста Валерия Ивановича Терещенко. В 1930 году он переехал в США. Окончил экономический факультет Колумбийского университета, преподавал в университетах США. А в 1960 году Никита Хрущев привез его в СССР. Валерий Терещенко работал в НИИ экономики и организации Минсельхоза Украины, преподавал в Киевском университете. Он приглашал нас к себе в Киев. Часто говорил Джумберу: «Ты живой паблик рилейшнз! В США таких людей, как ты, отправляют знакомиться и сближаться с нужными людьми и за это платят большие деньги!» Джумбер защитил у Валерия Терещенко кандидатскую диссертацию.

Незадолго до войны Женя приехал в Сухуми, и как раз в это время был напечатан рассказ Виктора Астафьева, в котором он назвал грузинских женщин «заспанными холуями». Возмущенный Евтушенко написал письмо протеста, которое просил Джумбера отвезти в Москву. Джумбер не смог, и письмо повезла я.

...Когда началась война, Джумбер помогал всем – грузинам, абхазцам, грекам, армянам, русским. Многие грузины обижались на него за это, а он в ответ говорил: «Мы вместе! Им тоже нужно помочь!» И каждый день разносил гуманитарную помощь. Когда началась война, многие абхазцы уехали – в Сочи, Краснодар... Сколько было потом писем и звонков: «Джумбер, помоги моей семье!.. Помоги моей маме!.. Помоги вывезти дочь!» И Джумбер всегда помогал. В ходе военных действий погиб северокавказец и Джумберу позвонили с просьбой найти и проводить останки на родину. И он нашел, вызвал вертолет, заехал домой за нами, взял меня и детей в аэропорт проводить погибшего! «Джумбер, зачем ты это делаешь?» - тихо спросила я. «Пусть он воевал на другой стороне! Но он кому-то дорог, и мы должны достойно проводить его!» - ответил Джумбер. Даже в этих обстоятельствах он проявлял благородство и великодушие, помня, что по нему судят о грузинах в Абхазии...

Многие обвиняли Джумбера в лояльности к абхазам, на что Джумбер отвечал: «Надо помнить, что мы одно целое. На проспекте Руставели в Тбилиси легко быть грузином, а здесь – трудно!»

27 сентября – в день падения Сухуми – на госдаче состоялось совещание, оттуда Джумбер спустился в госпиталь попрощаться с зятем, хирургом по профессии. Джумбер собирался вернуться в Сухуми. Врачи пытались его остановить: «Сухуми взят! Джумбер, куда ты идешь?» «Я возвращаюсь не только к Жиули Шартава, - объяснял Джумбер. - Я женщин и детей не оставлю!» Джумбер весь в этих словах. Он сознательно остался в Сухуми. Это был его выбор...

В тот день я пешком отправилась домой из села Дранда. Была страшная бомбежка, и я впервые вместе с соседями спустилась в подвал. Выйдя из него, закрыла двери квартиры и на вопрос соседа-абхаза, куда я иду, ответила: «Не знаю!» И отдала ему ключи. По возвращении в Дранда мы со второго этажа смотрели на горящее здание Совмина. Я тогда еще не знала, что Джумбера уже нет в живых...

После исчезновения Джумбера многие его искали. Подробности его гибели стали известны позже. Единственный из правительства, оставшийся в живых, Юра Гавва вспоминал, что 27 сентября был в кабинете у Джумбера. Грузины, остававшиеся некоторое время в Сухуми, рассказывали мне, как Джумбера со связанными руками тащили по улицам города, который он так любил. И абхазцы, видя, как его волокут, побежали к большому чиновнику-абхазцу, и он тут же помчался спасать Джумбера. Не успел... Джумбера расстреляли. Ни у одного абхаза не поднялась бы на Джумбера рука – пришедшие боевики сделали свое черное дело.

Иногда, как все женщины, я хотела для детей большего. «Когда меня не станет, все будет хорошо, - говорил Джумбер. - У меня столько друзей, мной столько посеяно, что тебе не будет трудно!» И действительно это так. В тяжелые времена все друзья встали рядом со мной, кто как мог. И до сих пор ко мне подходят люди и благодарят меня за Джумбера. Он столько сделал добро! И это воздалось сторицей: не проходило и дня, чтобы кто-то из них не поинтересовался, как мне живется, какие у меня проблемы...

«ДЖУМБЕРИАДА» ЕВГЕНИЯ ЕВТУШЕНКО

Познакомил Джумбера и Евгения Евтушенко Автандил Сакварелидзе, и они сразу стали друзьями. Евгений Евтушенко посвятил Джумберу Беташвили сборник стихов, который начинался известными стихами: «О Грузия, нам слезы вытирая, ты русской музы колыбель вторая...» В своем выступлении на вечере памяти Беташвили поэт отметил, что Джумбера всегда за что-то благодарили, а он обычно отвечал: «Не за что!» Многим запомнились слова, сказанные Евтушенко во время застолья, посвященного памяти Беташвили: «В одном романе я написал, что если бы мне можно было бы воскресить одного человека, то я воскресил бы Александра Сергеевича Пушкина. Так вот, если Господь разрешил бы мне воскресить еще одного, то это был бы Джумбер Сергеевич Беташвили. XXI век нуждается именно в таких людях. Джумбер Беташвили доказал своим примером, что будущий человек – это тот, кто прежде всего любит свою родину, свой язык, врос глубоко в родную землю. Такой человек вырастает из родной земли и становится подобным дереву, чьи ветви обнимают воздух всего человечества. Вот такими должны быть люди будущего. Я хотел бы, чтобы таких людей в XXI веке было больше!».

Особая страница творчества Евгения Евтушенко – стихотворения, посвященные Джумберу Беташвили.

«Он был высок, красив, умен и смотрел на мир добрыми, веселыми глазами. Вот если бы так, как он смотрел на людей, знакомых и незнакомых, на соплеменников и инородцев, на горы и море, на леса и степи все, что живет на нашей грешной земле, уверен, давным-давно не было бы ни насилия, ни ненависти, ни грабежей...», - вспоминал Тимур Гайдар.

Т.Гайдар подчеркивал особую миссию Джумбера Беташвили в историческом многовековом диалоге России и Грузии: «Бог мой, сколько российских гениев и высоких поэтических талантов черпали в Грузии вдохновение, скольким помогла и скольких утешила она в их нелегкой, а еще чаще трагической судьбе! И эта удивительная связь негромко, но естественно и зримо проявилась в жизни Джумбера, одного из достойнейших сыновей Грузии. Вот почему, вспоминая о нем, нельзя не думать о духовности и душе двух народов – ведь ясно, что не только экономические, не только политические интересы, но и нечто высшее всегда, несмотря на ошибки, несправедливости, а порой и преступления правителей, влекло и влечет Россию и Грузию друг к другу».

«Нечто высшее» влекло друг к другу Джумбера Беташвили и Евгения Евтушенко. Отношениям друзей посвящены стихи врача Вану Мгалоблишвили, пронизанные горечью и ностальгией по безоблачному, счастливому

прошлому: «Изабелла бродит в чанах древних селений./ За гитарой Джумбер, со стихами Евгений./ Пирс облакан шелками вечернего бриза,/ рифмой русской души стих грузинский унизан./ И не слышен прерывистый пульс маяка,/ все пьяны от любви, влюблены от стиха./ А маяк надрылся, предчувствуя кровь./ слезы жен, вопль старух, безысходную боль.../ Кипарисы дымят, как потухшие свечи./ там Джумбера мотив, здесь Евгения речи...»

Сохранился шуточный поэтический диалог друзей. Неопубликованное стихотворение Евгения Евтушенко называется «Дополнение к «Джумбериаде» и датировано 5 ноября 1979 года. В нем поэт называет друга «факиром полетов и СВ, всех телефонных книг читателем, со всей вселенной в голове» и советует «бежать от всех» и «плюнуть на настольный календарь». В своем ответе Джумбер сохраняет непринужденный, дружеский тон.

Гибель друга, абхазские события пятнадцатилетней давности стали для Евтушенко огромным потрясением. Он посвятил этой трагедии два пронзительных стихотворения – «Джумберу Беташвили» (1994), позднее переведенное на грузинский Джансугом Чарквиани, и «На смерть грузинского друга» (1995).

В стихотворении «Джумберу Беташвили» поэт создает образ идеального грузина. Он – «самый красивый из всех людей и даже из всех грузин», принявший мученическую кончину «не горясь».

Поэт переходит к публицистическим обобщениям, сожжение дома в Гульрипши становится символом широкомасштабного пожара, охватившего все постсоветское пространство. Через год Евтушенко вновь обращается к этой теме – в стихотворении «На смерть грузинского друга». Здесь он словно полемизирует с самим собой прежним, сожалеющим о «сожженном СССР». Теперь для него гораздо важнее потеря друга, нежели развал страны:

Я друга потерял, а вы мне о стране. / Я друга потерял, а вы мне о народе. / На черта мне страна, где лишь цека в цене, / На черта мне народ, где рабство и в свободе.

Поэт сожалеет о распаде отношений между людьми, народами. «Нам нелегко теперь найти по голосам», - сетует Евтушенко. И вновь возвращается к теме взаимоотношений с погибшим другом – для него они превыше всего, говорит об особой духовной близости между собой и Джумбером Беташвили, утверждает приоритет ценностей дружбы:

Я был немножко им, он был немножко мной. / Его не продал я, и он меня не продал. / Страна – друг не всегда. Он был моей страной. / Народ – неверный друг. Он был моим народом. / Я русский. Он грузин. Кавказ теперь как морг. / Идет людей с людьми бессмысленная битва. / И если мертв мой друг, народ мой тоже мертв, / И если он убит – страна моя убита.

В газете «Грузия» был напечатан материал Е.Евтушенко «Завещание Джумбера Беташвили». В нем он вновь говорит о своем отношении к погибшему другу, создает его портрет: «У меня в жизни не было друга, которого я бы любил больше, чем Джумбера Беташвили. Должность его в Совете Министров Абхазии была довольно прозаическая – административно-хозяйственная – должность, но он был поэтом жизни, обожающим людей и жизнь во всей ее неповторимой радужности. Он был бессребреником, зато золотой души человеком. Он делал счастливыми всех вокруг себя, хотя, может быть, жене его было непросто, ибо он так щедро раздаривал всем свое время, что его почти не оставалось для семьи. Он был рожденным интернационалистом, и во время войны выручал не только грузин, но и русских, и абхазцев, руководя эвакуацией детей и женщин. Свою жену он эвакуировал в последнюю очередь...»

Инна БЕЗИРГАНОВА

▲ Партия Таль-Гургенидзе. Чемпионат СССР. Тбилиси. 1959

СОТВОРЕНИЕ КРАСОТЫ

▲ Бухути Гургенидзе

Он всегда стремился к победе, в этом видел смысл большой игры, и никогда не изменял собственному стилю, познав упоение успехом и горечь разочарования, которые как черно-белые поля шахматной доски, чередуются в жизни таланта, нанося зарубки на сердце, вопреки почитаемой им логике.

Бухути Гургенидзе остается дорог каждому, кто ценит в шахматах красоту, которая, подобно сказочной Жар-птице, не дается в руки. Полвека отдано им любимым шахматам, а он все еще помнится мне юношей, мягким и мечтательным, без намека на спортивную злость, помогая понять почему Вахтанг Ильич Карселадзе, сам не избалованный жизнью, отличал его любовью и завещал самое дорогое – своих учеников шахматного кабинета Тбилисского Дворца пионеров и, прежде всего, Нану Александрия, чьим тренером он

будет одиннадцать лет. Может быть, Гургенидзе и стал бы претендентом на мировое первенство, не посвяти он себя служению шахматной принцессе, задатки к тому были яркие.

Грузия десятилетиями слыла шахматным Эльдorado. Она одарила мир самородками первой величины. Вспомним матч на первенство мира 1975 года Ноны Гаприндашвили и Наны Александрия. Следующей претенденткой и чемпионкой мира (в 17 лет!) стала Майя Чибурданидзе. Налицо шахматный матриархат. Это не означает, что мужчины в Грузии сами играть не умеют и остаются только тенью замечательных шахматисток.

В отечественной истории шахмат золотые страницы отведены не только женщинам. Есть яркая страница о рыцаре королевского гамбита Андрее Дадияни. На счету этого шахматиста остро-атакующего стиля мат-

чи, сыгранные в Париже, Вене, Риме с известными мастерами второй половины 19 века. Партии Дадиани удостоились высокой оценки первого чемпиона мира Вильгельма Стейница, их печатали французские, английские и немецкие шахматные издания.

Одна из страниц летописи – о Викторе Гоглидзе, первом грузинском шахматном мастере. На это событие откликнулся экспромтом Паоло Яшвили: «К избранникам судьба как будто благосклонна. Но знаем мы с тобой: искусство – не игра! И кто еще живет так нервно, так бессонно, как мастера стиха и шахмат мастера?»

Бухути Гургенидзе начинал свою шахматную карьеру, когда шахматы были далеко не так популярны, в Тбилиси даже не было приличного клуба. Спортом номер один оставался футбол, тбилисское «Динамо» и его знаменитые мастера. За футболом шел баскетбол, шахматы имели двузначный номер. Успехи Гоглидзе относились к далекому тридцатому, а молодой смены не наблюдалось. Во всесоюзных турнирах играли ветераны Арчил Эбралидзе и Акакий Пирцхалава, но далеко не продвигались.

И вот – сенсация. Появился в Тбилиси молодой талант Бухути Гургенидзе. Сначала он не привлекал внимания даже в городских соревнованиях. Чемпионат Тбилиси 1949 года принес 16-летнему перворазряднику третье место. Через два года он кандидат в мастера и участник турнира мастеров. Его допустили играть, не надеясь, что он выполнит мастерскую норму с первой попытки, дескать, пусть юноша набирается опыта, а юноше не хватило до нее пол-очка!

Гургенидзе учится на геологическом факультете Грузинского политехнического института, получает высшее образование. Будучи студентом, в полуфинале первенства СССР (1955, Рига) становится мастером. В финал он тогда не вышел. Казалось бы, рядовой ма-

стер?

Но прошел год, и его увидели в сильном по составу тбилисском полуфинале 24-го первенства СССР. После финиша он принимал поздравления.

Двадцать долгих лет грузинским шахматистам не удавалось выйти в финал, а он сумел, разделив 5-6 места с рижским мастером Михаилом Талем. Бухути еще восемь раз выйдет в высший шахматный свет, в составе сборных команд страны (Борис Спасский, Таль, Лев Полугаевский, Айвар Гипслис и др.) станет обладателем двух золотых медалей Всемирных студенческих олимпиад (1957, 1958) и двух серебряных, победителем международных турниров, а тогда все было внове.

В Грузии начался шахматный бум. Легко понять, как вся республика следила за дебютом Гургенидзе в финале первенства СССР в Москве, но для него он оказался неудачным. Чемпионом стал Таль, для которого стартовая площадка Тбилиси оказалась прыжком в шахматный космос.

В Грузии умеют верить до конца, а это важно для поддержки молодых. Дыхание всей республики ощущал за плечами Гургенидзе, когда он второй год подряд вышел в финал первенства СССР. Едет в Ригу бороться за одну из четырех путевок на межзональный турнир в Портороже.

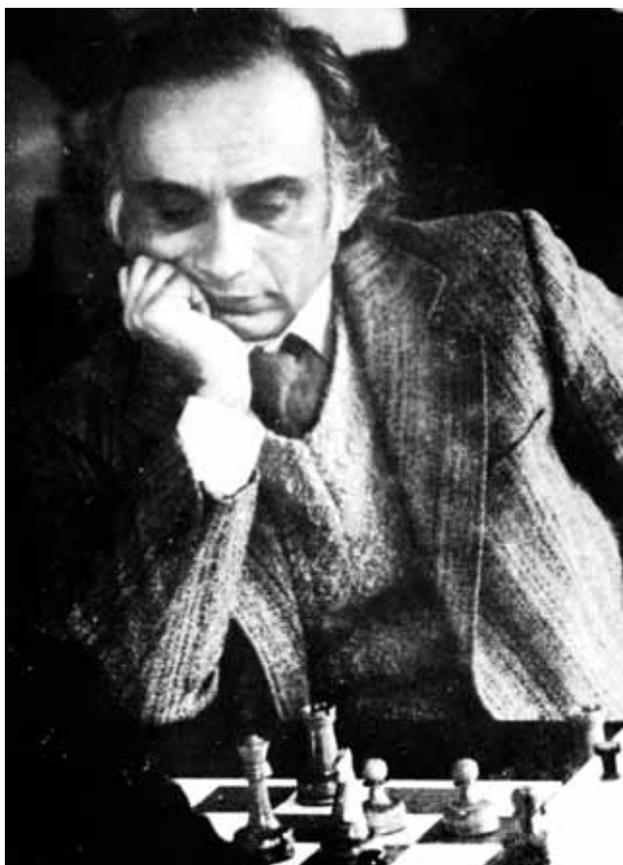
«Рижские горки» изобиловали крутыми взлетами и падениями. До начала турнира Марк Тайманов обещал съесть свою шляпу, если Таль снова станет чемпионом страны. И поначалу казалось, что шляпе ленинградского гроссмейстера и пианиста ничто не угрожает. Но дела у Таля пошли лучше, и после предпоследнего тура он и Тигран Петросян вышли вперед. На пол-очка отставал Давид Бронштейн и на очко – Борис Спасский и Юрий Авербах. Один из пятерки оказывался лишним. Петросян и Авербах свою партию сыграли вничью, а в партии Спасский-Таль борьба шла насмерть. Спас-

▼ Приезд Михаила Ботвинника и Сало Флора в Грузию. Третий справа – Бухути Гургенидзе. 1961

▲ Тбилиси встречает чемпионку СССР Нану Александрия. 1966

скому очень не хотелось играть дополнительный матч с Авербахом за 4-е место, и партия была отложена в очень и очень неприятной для Таля позиции, по его собственной оценке. При доигрывании разволнованный Спасский проиграл, исключив себя из очередного цикла борьбы за мировое первенство.

Мало кто верил, что Бухути сможет даже приблизиться к заветной четверке. Честно говоря, и сам он не верил. Дай бог попасть в первую десятку. А напрасно. За два тура до конца был в тройке лидеров и все продолжал не верить. Потом случилось невероятное. Он не довел до логического конца фактически выигранную «партию жизни» с гроссмейстером Исааком Болеславским – непостижимым образом в ней выстроилась ничейная «крепость», и раздосадованный грузинский мастер бросился в рукопашный бой, проиграв обе заключительные партии – Юрию Авербаху и Алексею Суэтину. Но даже эта судьбоносная пометка принесла ему дележ 7-8 места с могучим Геллером (Ефим Петрович также «бросил весла» в последних двух турах), и лучшее личное достижение в финалах первенства страны.

Так жестоко для Гургенидзе подтвердилась старая истина: стиль – это человек.

Прощайте мечты о гроссмейстерском звании? Как бы не так. В том же году Гургенидзе впервые стал чемпионом Грузии, а потом еще 12 раз подтверждал свою репутацию сильнейшего шахматиста республики и это тоже из разрядов рекордов этого шахматиста экстра-класса активного позиционного стиля. Гурге-

нидзе отправляется на международный турнир в Софии, где делит 1-3 места, но на соревновании в болгарской столице не было нормы международного звания. На II Спартакиаде народов СССР (1959, Москва), выступая за команду Грузии на первой доске, Бухути был вторым. Без поражений. Пол-очка разделяли его от победителя турнира лидеров команд Спасского. А кто позади? Чемпион мира Михаил Ботвинник, претендент на это звание Михаил Таль, Ефим Геллер, Исаак Болеславский... Было ясно, что оформление высшего шахматного чина Гургенидзе – простая формальность.

Но последовал необъяснимый спад результатов. Может быть, закружилась голова у молодого мастера после стремительного взлета.

«Отрезвление» наступило в 1965 году, на первом международном мужском турнире в Тбилиси. Гургенидзе играл блестяще, взял первый приз. Позади – Ратмир Холмов, Андрэ Лиликталь, Айвар Гипслис (все – СССР), Вольфганг Вальтер Питч (ГДР), Властимил Янса (Чехословакия), Иван Радулов (Болгария), Мато Дамянович (Югославия). Наградой победителю стало звание международного мастера.

Любопытный эпизод произошел на торжественном закрытии турнира. Когда главный арбитр турнира объявил, что первое место занял мастер Гургенидзе, один из иностранных участников воскликнул: «Мастер? А почему не гроссмейстер?»

Бухути недолго ходил в подающих надежды. В 1969 году терпение поклонников его творчества было вознаграждено. На международном турнире в Тбилиси, на первом мемориале В.Гоглидзе, Гургенидзе разделит 1-2 призы с Талем и выиграл у него личную встречу – прямой атакой на короля. На третьем месте – гость из

▲ Гроссмейстерский ход. Рис. Гиглы Пирцхалава

▲ Тбилисский Дворец шахмат имени Ноны Гаприндашвили

Чехословакии Властимил Горт, будущий участник четвертьфинального матча претендентов (1977) и сборной команды мира в «Матче века» (1970), где он выиграл матч у Льва Полугаевского на 4-й доске.

Вот так убедительно была покорена гроссмейстерская высота, а потом Бухути надолго сменил амплуа и подготовил претендентку на титул королевы шахмат. И все, чего не достиг учитель, оказалось по силам его ученице – Нане Александрия, двукратной вице-чемпионке мира, трехкратной чемпионке СССР. Бухути Гургенидзе связывало с ведущими грузинскими шахматистами многолетнее творческое содружество и неизменно высокие результаты. Неувядаемый ветеран

(он второй на чемпионате мира-93 среди сеньоров), вице-президент Федерации шахмат Грузии (с 1989 г.), директор Тбилисского Дворца шахмат, прирожденный педагог выкраивал время для занятия с молодежью.

«Посмотрите на меня. Разве я не такой же как прежде?», - сказал мне при нашей встрече у него дома. И мы вспоминаем молодость, которая бросала его в сабельный поход, партии, удивляющие глубиной теоретических и стратегических идей.

В сорок первом ушел добровольцем на фронт Великой Отечественной и не вернулся отец, Вано Гургенидзе. Осталась мать с 7-летним Бухути и 3-летним Бакури, одна поднимала детей. В этом трудном детстве – разгадка характера международного гроссмейстера Бухути Гургенидзе, его ранней самостоятельности, и отсутствия практицизма, непримиримости к проявлениям зла, шахматных вкусов и, как это ни звучит парадоксально для заслуженного тренера СССР и Грузии, его неприятия на веру сухой теории.

Помню, напоследок той давней беседы я попросил Бухути Ивановича назвать его шахматных кумиров, а он медлил с ответом. «Стейниц, Ласкер, Петросян?...» - прибегаю к подсказке и понимаю: сам он художник шахматного искусства, автор оригинальных дебютных идей и систем, немеркнувших со временем шедевров, под которыми и сегодня охотно подпишется любой чемпион.

Арсен ЕРЕМЯН

▲ Дом на улице Горького, 3

«Я трогаю старые стены...»

Тифлис: удивительные встречи

Среди десятков иноземных знаменитостей, стремившихся в Тбилиси и в разгар своей славы, и еще лишь в ее преддверье, этот человек выделяется дважды. Во-первых, он пришел в столицу Грузии пешком – принципиально, презрев все транспортные средства, которыми отнюдь не был беден конец XIX века. А во-вторых, войдя в тифлиские стены под никому не известным именем, именно в них он обрел другое, ставшее частью мировой культуры. Первое имя – Алексей Пешков, второе – Максим Горький.

До появления в Тифлисе будущий «буревестник революции» прошагал Поволжье, Донскую область, Украину, Бессарабию, Крым, Кубань, Терскую область, Военно-Грузинскую дорогу. В его котомке – тетрадки со стихами, хотя, по собственным словам, он «решил не писать больше ни стихов, ни прозы и действительно все время жизни в Нижнем – почти два года – ничего не писал». Это решение принято после того, как писатель Владимир Короленко жестко и справедливо раскритиковал его «превосходную поэму в прозе и стихах «Песнь старого дуба». Молодой человек легко раним, пережил разочарование в идеалах, большую безответную любовь и даже попытку самоубийства... Кстати, именно все перечисленное, а не только желание «самому пойти посмотреть, как живет «народ», и привело к тому, что Пешков покинул родное

Поволжье и оказался в Грузии.

А еще он следует двум советам. Первый – от красавицы Ольги Каминской, которая на десять лет старше страстно влюбившегося в нее Алексея. Эта замужняя женщина признается, что и он ей не безразличен, но бросать мужа отказывается, посоветовав больше не искать встреч с ней. Другой совет дает... психиатр. После того, как химик-философ Николай Васильев чуть не свел с ума Пешкова, напичкав его философией, погружая в теорию Эмпедокла и ницшеанство. Совет прост: «Вам, дружище, прежде всего надо забросить ко всем чертям книжки и вообще всю эту дребедень, которой вы живете! По комплекции вашей вы человек здоровый, и – стыдно вам так распускать себя. Вам необходим физический труд...» И весной 1891 года Алексей начинает отмеривать шагами версту за верстой, чтобы «найти в жизни, в людях нечто способное уравновесить тяжесть на сердце... выпрямить себя». В различных концах страны он предстает батраком, рабочим, защитником слабых, просто прохожим. И очень часто – босяком. Таким он и появляется в Тифлисе. Вовсе не забросив к чертям книжки и продолжая писать собственные строки – «в котомку», поскольку стола у него нет.

Стоит уже ноябрь 1891-го, когда в тифлиссский район Вере, в котором заканчивалась тогда Военно-Грузинская

дорога, входят два попутчика – Алексей Пешков и молодой человек из княжеского рода Цулукидзе. Они познакомились в Одессе, где князь разыскивал ограбившего его человека. Грабитель найден не был, а незадачливый мститель проел все, что у него было, и бедствовал. Пешков вызывается проводить его до Тифлиса, кормит его на деньги, которые зарабатывает, а тот воспринимает это как должное, заявляя, что сам работать не умеет. Алексей Максимович вспоминает о своем далеко не лучшем попутчике без злости, но весьма показательно: «...Я часто вспоминаю о нем с добрым чувством и веселым смехом. Он научил меня многому, чего не найдешь в толстых фолиантах, написанных мудрецами, - ибо мудрость жизни всегда глубже и обширнее мудрости людей... Каждый раз, когда на шею мне садится человек, которого надо было куда-то вынести, я нес его, насколько хватало сил и охоты, нес и вспоминал Шахро».

Между тем, у него нет никаких оснований для того, чтобы в первые часы пребывания в Тифлисе вспоминать попутчика «с добрым чувством и веселым смехом». Тот попросту бросает Алексея на станции конки возле Верийского моста – обещает вскоре вернуться, но навсегда исчезает из его жизни. Продав часов шесть, промерзший волжанин заходит погреться в духан, дерется там с пьяными кинто и оказывается вместе с ними в полицейском участке на Ольгинской (ныне – Костава) улице. Утром его допрашивает пристав, и Пешков, с его босяцким видом, оказывается на волоске от больших неприятностей. К счастью, он вспоминает человека, который может удостоверить его личность – бывшего ссыльного Михаила Началова, с которым в Нижнем Новгороде посещал народовольческий кружок. Вообще-то, в Тифлисе у него есть еще несколько «политически неблагонадежных» знакомых по Нижнему – руководитель того кружка Аким Чекин, распространители нелегальной литературы Яков Данько и Евгений Добровольский. Не поэтому ли он так

стремился в этот город?

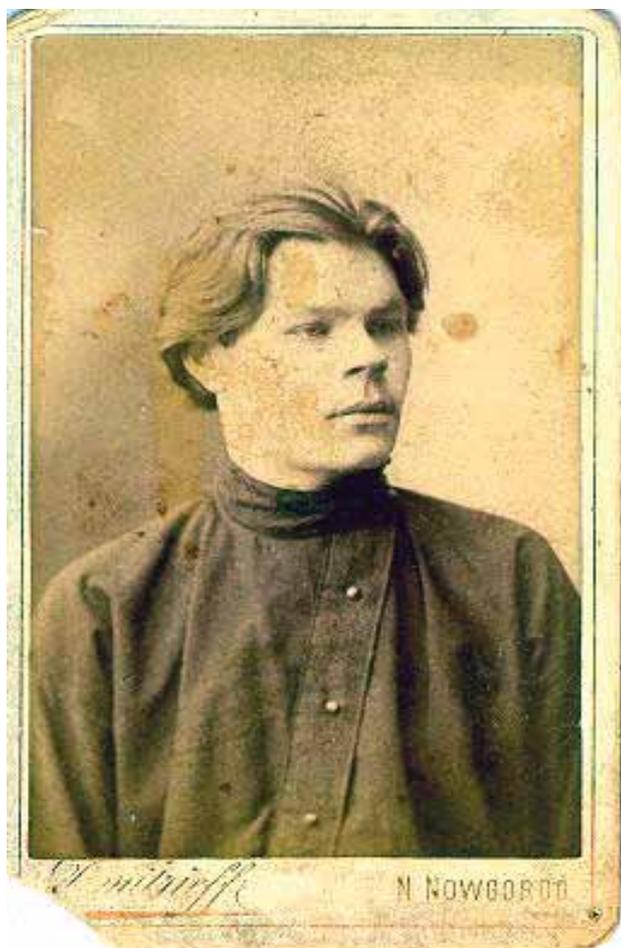
Ну, а порядки тогда такие, что даже находящийся под надзором Началов считается солидным человеком – он служит в Управлении Закавказской железной дороги. А надзор за ним осуществляет тот самый пристав, что допрашивал Пешкова. Так что, Началова даже не вызывают в участок – задержанного отправляют с городовым к нему на квартиру, он удостоверяет личность «бродяги» и попросту оставляет его у себя. А вскоре тот обретает первое жилище в Тифлисе – у Якова Данько. И вот с этого момента нам придется все чаще делать уточнения и задавать вопросы, связанные с пребыванием будущего писателя в грузинской столице.

Исследователи, определявшие место жительства Данько, а значит, и Пешкова на Вере, в конце концов, назвали «Федосеевскую улицу». Но во времена Алексея Максимовича такой улицы не существовало – была Колочая балка. Лишь в декабре 1896-го (через четыре года после отъезда Горького) там, где эта улица встречается с Грибоедовской в конце нынешнего проспекта Руставели, «в доме г-жи Зосиберг, предоставившей бесплатное помещение для устройства молитвенного дома, торжественно был отслужен молебен с водоосвящением священником Феодосием Углицкому, Черниговскому чудотворцу». Так была открыта Феодосиевская церковь, и давшая новое название улице – Феодосиевская (ныне – улица Сараджишвили). Советская власть превратила здание церкви в Шахматный клуб, а сейчас там соседствуют «Приватбанк», Фонд культуры Грузии и кафе «Галерея».

И знаете, для чего тогда был открыт храм? Для упорядочения религиозно-нравственной жизни обитателей, «отдающихся праздному и губительному разврату во множестве находившихся здесь кабаков, пивных и тайных притонов». Нечего сказать, в хорошем месте провёл начало грузинского периода Пешков, бежавший от «свинцовых мерзостей» жизни. Впрочем, господам революционерам там жилось вполне нормально, именно там они проводили собрания единомышленников. А Максимыч, как называли его друзья, сразу же увлекся тем, что называлось антиправительственной деятельностью.

Деятельность эта становится все шире после того, как Началов, используя свои связи, устраивает его работать в Главные железнодорожные мастерские. Но на какую должность? Вопрос казался бы праздным. Илья Груздев, биограф Горького, ссылается на самого писателя: «Сначала, - писал Алексей Максимович, - месяц с лишком работал в кузнечном, молотобойцем, затем – в счетоводном отделе мастерских записывал расходы материалов по «малому ремонту паровозов». Эти же специальности указаны и в различных вариантах горьковской биографии. Однако в номере 141(692) газеты «Большевицкая путевка» за 21 июня 1936 года бывший мастер малярного цеха Илья Горбатенко вспоминает, как Пешков пришел к нему «на заработки». Рассказал свою биографию, понравился мастеру и на другой день оформился в конторе. Работать стал подручным маляра в малярной бригаде Ивана Долгова в товарно-вагонном парке, затем перешел в бригаду Маслова, работавшего маляром по надписям. А когда он напечатал свой первый рассказ, рабочие с гордостью говорили Горбатенко: «Пешков-то, наш маляр, как пишет»... Но, может, старый рабочий ошибался? Что ж, литературовед Валерьян Имедадзе предлагает нам прочесть уже официальный документ – запись на 770-й странице матрикульной книги Главных железнодорожных мастерских: «Нижегородской губернии, православный, холостой, 23 года, Алексей Максимович Пешков принят на работу маляром 10 декабря 1891 года, рабочая марка №1824... Поденное содержание получал 1 рубль в день. 1 февраля 1892 года назначен отметчиком, уволен 21 сентября 1892 г. по собственному желанию». Как видите, ни о кузнечном цехе, ни о молотобойце Пешкове и речи нет. Вот такая загадка. При том, что факт работы Пешкова в железнодорожных

▼ Алексей Пешков. 1891

▲ Феодосиевская церковь. Конец XIX в.

мастерских неоспорим. Как и то, что из Колючей балки он перебрался в район Чугурети. Но и здесь без вопросов и уточнений не обойтись.

Даже такие серьезные литературные исследователи, как уже упоминавшийся Илья Груздев и столь популярный в последнее время Дмитрий Быков внесли путаницу в местонахождение «коммуны», члены которой вместе с Пешковым вели пропагандистскую работу среди рабочих и студентов. Оба утверждают, что она обосновалась на Ново-Арсенальной улице. Но название «Красногорская коммуна», под которым она вошла в историю и революционного движения, и литературы, уже говорит само за себя. К тому же достаточно просто подойти к мемориальной доске на доме №93 по улице Горького (бывшей Красногорской). Именно здесь Пешков поселяется с несколькими товарищами и образуется своеобразный политический клуб. Помимо рабочих сюда приходят учащиеся семинарии, землемерного училища, учительского и акушерского институтов, преподавательницы городских школ и, конечно, представители тифлисской интеллигенции. А Ново-Арсенальная, как свидетельствуют старые карты, была выше, у линии железной дороги.

Алексей играет в «коммуне» сплывающую роль. Сам он видит ее так: «Поливаю из ведрышка просвещения доброкачественными идеями и таковые приносят известные результаты... Читаю с учениками института и семинарами. Ничему не учу, но советую понимать друг друга». Но на деле он учит, в том числе и откровенно революционной деятельности. Ведет агитацию не только в «коммуне», но и в цехах мастерских, и на сходках за городом. Его советам — не ограничиваться самообразованием, писать прокламации — следует, в частности и вступающий на профессиональную революционную стезю будущий тесть Сталина — Сергей Аллилуев. И не случайно через шесть лет после этого, когда вольнодумство, посеянное в «коммуне», дало всходы, во все жандармские документы на Горького включены показания одного из свидетелей: «Припоминая разговоры и суждения Пешкова, скажу, что, несомненно, он был причастен к пропаганде рабочей. Так часто и так много и резко он

говорил об эксплуатации рабочих, так много он развивал на эту тему суждений».

Именно «Красногорская коммуна» сводит Пешкова с писателем Эгнатэ Ниношвили, педагогом и общественным деятелем Шио Читадзе, художником Мосе Тоидзе, адвокатом Иваном Джабадари, врачом Николаем Худадовым и другими замечательными представителями интеллигенции Грузии. Причем, с Читадзе он сходитесь настолько близко, что практически повсюду бывает вместе с ним, принимает участие в судьбе его смертельно больного брата, о котором даже пишет очерк. Шио же вообще собирался отправиться в странствие с Алексеем, но не просто с котомкой за плечами, а создав труппу передвижного народного театра. А когда Пешков говорит Ниношвили: «Ты счастлив, товарищ, что своими глазами видишь, как любят и уважают тебя», тот отвечает: «Напиши то, что ты так хорошо рассказываешь. И тоже увидишь, как все тебя полюбят».

А еще будущий основатель «соцреализма» активно участвует в работе Чугуретской подпольной марксистской библиотеки и «Общества учительниц», создавшего «Дешевую библиотеку» для рабочих и служащих. Конечно же, там он не столько читатель, сколько все тот же организатор и пропагандист. И, конечно же, сам не перестает писать, хотя позже заявляет: «Себя я вижу в ту пору фантазером, стихотворцем, пропагандист я был, вероятно, плохой». Признаем, что это — нечто вроде кокетства: жившие рядом с ним вспоминают, как бережно он хранил исписанные стихами тетради и был полон дальнейших замыслов. Стихи он пишет легко, но сам считает их «дубоватыми». А прозу писать не решается — ему кажется, что она должна состоять из красивых фраз.

И тут в «Дешевой библиотеке» ему встречается человек, сыгравший огромную роль в том, что на свет появился писатель Максим Горький. Именно этот служащий Управления железной дороги, бывший ссыльный Александр Калюжный убедительно повторяет уже сказанное Ниношвили — Алексею надо изложить на бумаге все, о чем тот так увлекательно и красочно рассказывает. Они подружались. Летом 1892 года, отправив семью на дачу,

▲ Ольга Каминская

Калюжный предлагает Пешкову перейти на квартиру, которую снимает в доме Рейера на Елизаветинской (ныне Цинамдзгвришвили) улице №146. И предоставляет для работы свободную комнату. Вот в ней-то и был написан «Макар Чудра», под которым впервые появляется псевдоним «Максим Горький». Автор относит рассказ в газету «Кавказ», текст принимает знакомый Калюжного – журналист Владимир Цветницкий и через три дня, в №242 за 12 сентября, появляется новое имя в литературе. «... Поверьте, что едва ли есть день моей жизни, в который я не вспомнил бы вас, - писал потом Алексей Максимович своему «дорогому другу и учителю» Калюжному. - ...Вы первый, говорю я, заставили меня взглянуть на себя серьезно. Вашему толчку я обязан тем, что вот уже с лишком тридцать лет честно служу русскому искусству».

Ну, а нам предстоит снова убедиться: не все так ясно в первом пребывании Горького в Тифлисе. В частности, в различных источниках не соответствуют даты самого существования «коммуны». Груздев, Быков и некоторые другие утверждают, что она была создана Горьким и его другом-соседом, революционером Михаилом Афанасьевым после того, как летом 1892-го они вернулись из пеших странствий по Грузии. Но сопоставление воспоминаний, документов и прямое указание литературоведа Имедадзе свидетельствуют: «Красногорская коммуна» действовала намного раньше – с января 1891-го по июнь 1892-го. И еще одна загадка, связанная с этими пешими походами. Известно, что в течение 1892 года Горький исходил Грузию, побывал в Ахалкалаки, Боржоми, Батуми, Ахалцихе, Кутаиси, Озургети, Телави и Гори. А летом не только работал на строительстве шоссе Сухуми-Новороссийск, посетил Очамчире, Новый Афон, но еще и в Баку побывал. А как же с работой, господи? Попутешествовал – и вновь, как ни в чем не бывало, вернулся в цех? Правда Имедадзе утверждает, что перед летним путешествием Горький получил на работе расчет. Но вспомним, что в матрикульной книге, цитируемой им самим, черным по белому написано: «Уволен 21 сентября 1892 г. по собственному желанию»... В общем, если найдется желающий сделать диссертацию на объяснении всего этого, поле деятельности у него немалое.

Ну, а тот сентябрь знаменуется для Алексея событием, которое, пожалуй, перекрывает и политические, и социальные, и литературные страсти – в Тифлис приезжает с дочкой его первая большая любовь Ольга Каминская. Та самая, чей совет не искать встреч с ней стал одной из главных причин пешего исхода из Нижнего Новгорода. Теперь она развелась с мужем и Алексей, узнав о ее приезде, впервые в жизни... падает в обморок. Он читает ей

▲ Александр Калюжный

только что опубликованного «Макара Чудру», он твердит ей «Живите со мной! Пожалуйста, живите со мной!» и в ответ слышит: «Сделаем так: вы уезжайте в Нижний, а я останусь здесь, подумаю и напишу вам...» Он вновь следует ее совету, она приезжает к нему из Тифлиса, и они, сняв у спившегося священника баню, живут в ней втроем... Но эта «романтика» - уже совсем другая история, не имеющая отношения к Грузии, в которой, кстати, Горький пишет еще и поэму-сказку «Девушка и смерть», опубликованную лишь через четверть века. Благодаря ей, с тифлисским периодом жизни писателя связана одна из самых цитируемых фраз: ««Эта штука сильнее «Фауста» Гете (любовь побеждает смерть)». Такова резолюция-комплимент «вождя народов». Звучит она почти издевательски – «штука» сия очень и очень слаба.

Второй раз Горький оказывается в Тифлисе в... принудительном порядке, через шесть лет. Его фотография с дарственной надписью обнаружена при аресте того самого Афанасьева, с которым он путешествовал по Грузии. Горького арестовывают в Нижнем Новгороде и, запихнув в тюк весь его архив, этапируют в Грузию. «...Я шагал по двору Метехского замка в Тифлисе, безуспешно пытаюсь догадаться – за какие провинности посадили меня в эту тюрьму?», - вспоминает писатель. Камера-одиночка у него не маленькая – десять на семь шагов, два окна выходят на Куру, открывая «прекрасный вид на азиатскую часть города, разбросанную на крутой горе, очень оригинальную своей жизнью и физиономией». Так что, есть возможность и крепостью Нарикала полюбоваться, и увидеть жуткие детали шиитского праздника «шахсей-вахсей». Между тем, он уже всероссийский известный писатель, и весть о том, что его привезли за полторы тысячи верст на допросы, которые не выявили никаких улик, будоражит страну. Начинаются протесты в его защиту, и через семнадцать дней Горького освобождают. При этом начальник жандармского управления с «говорящей» фамилией Дебиль получает из Петербурга серьезный «втык».

Проходит еще пара лет, и в июне 1900 года грузин-

ская газета «Иверия» сообщает: «Выдающиеся русские писатели Антон Павлович Чехов и Максим Горький (настоящая его фамилия А.Пешков) сейчас находятся в Тбилиси. Они остановились в «Северных номерах». Там же остановился художник Васнецов». Вместе со знаменитостями приехали и два врача, близкие к литературным кругам. Цель поездки крайне проста – познакомиться с Грузией, отдохнуть на лоне ее природы. Судя по всему, это удастся. А из красот рукотворных Горькому запомнятся фрески в мцхетском соборе Светицховели и то, как Васнецов «до слез восторга любовался» ими. Литературными делами в этой поездке не занимаются, лишь спор в гостинице с сектантами-прыгунами становится материалом для очерка, да и тот не пропущен цензурой «Нижегородского листка».

Конечно же, Тифлис не ленится на застолья. Одно из них проводят в честь Горького сотрудники Управления железной дороги, и, как сообщает очевидец, «некоторые видные грузинские деятели, бывшие на этом банкете, имели случай убедиться, что А.Пешков относится к ним с полнейшей симпатией». А в Верийском саду «Фантазия» гостей чествуют грузинские писатели. Горькому так нравятся танцоры, что он поднимает тост «за здоровье той нации, которая создала такой красивый танец, к вящей славе своей». На это «отозвались грузинские писатели, обмен мнений принял настолько оживленный характер, что были позабыты и обед, и музыка». Словом поездка удалась. Участвовавший в ней врач Леонид Средин сообщает, что и на обратном пути Горький «видел все, что полагается, и Казбек в полном блеске...»

Следующий приезд – уже в 1903 году, вместе с женой Екатериной и двумя спутниками из издательского и театрального мира. Несколько дней в Тифлисе – в гостинице «Лондон» у нынешнего Сухого моста, а потом поездка с Калюжным по различным уголкам Грузии дает интереснейшие встречи. В Уплисцихе Горький знакомится с будущим писателем Михаилом Джавахишвили, в Багдади – с «занятым лесником», отцом Владимира Маяковского, в Кутаиси – с великим поэтом Акакием Церетели и театральным деятелем Ладом Месхишвили, в Абастумани встречается знаменитого русского художника Михаила Нестерова... А в Тифлисе многое узнает от переводчика Ивана Полумордвинова о грузинской литературе того времени. Ну, а общая оценка этой поездки, исходя из того, что жив еще бродяжий дух, такова: «Прогулялся я – хорошо. - Очень много ходил пешком, поздоровел».

Потом долгая разлука с Грузией, в Тбилиси Горький приезжает лишь летом 1928-го, с сыном, в рамках большой поездки по стране. И это уже совсем не тот человек, что бывал здесь в конце XIX века. Он только что вернулся в СССР с Капри в ранге «великого пролетарского писателя», «буревестника революции» и «основателя социалистического реализма». С ним «дружат» Сталин и его окружение, его произведения стали обязательными в учебных программах. Фактически, это уже живой памятник, сам не осознающий, насколько «забронзовел». Тифлис встречает его многотысячной толпой под транспарантами типа «Да здравствует наш любимейший друг!» Визит проходит на высшем правительственном уровне – жилье на втором этаже Дома писателей, банкеты и официальные встречи, осмотр «символа советизации Грузии» - Земо-Авчальской гидроэлектростанции (ЗАГЭС), Музея Грузии и показательных

детских колоний в Коджори... На встречах – взаимные комплименты, поучения со стороны Горького. Были, впрочем, и деловые моменты. Отвлекая высокого гостя от банкетных тостов, Тициан Табидзе, Паоло Яшвили, Николоз Мицишвили и другие поэты ставят вопрос об издании на русском языке антологии грузинской поэзии и прозы. Гость одобряет идею, подчеркивая, что еще до революции хотел сделать это, но не сумел.

Потом Горький на день едет в Ереван, а по возвращении – «интереснейшая беседа с рабочими в каком-то саду». Для тбилисцев этот сад – не «какой-то», а бывший летний Клуба строителей, носивший потом имя самого Горького, ныне – Сад роз на проспекте Агмашенебели. Поднявшись на Солотакский хребет, ставший тогда Комсомольской аллеей, Горький умиляется открывающейся панораме: «Все вспоминаю Тифлис, мой родной город» и, указывая на Метехи: «А там я сидел в клетке». В честь него проводится даже пленум Тбилисского горсовета, на котором он выступает с державной назидательностью, по-сталински рублеными фразами: «Рабочие Грузии любят своих писателей. Помню, как они читали Церетели, Эристову, Пшавела, Чавчавадзе, Ниношвили. В трудных условиях приходилось писать грузинским писателям. Они делали большое дело, народное дело. Их надо переводить на русский язык, на языки других народов». В Тифлисе он пробыл четыре дня, успев стать почетным членом Союза писателей Грузии.

Через год – еще более краткий и не менее торжественный приезд, после Абхазии. Все пребывание ограничивается «дружеским завтраком» с руководством республики. Горький говорит о «неотложных вопросах пропагандистской и культурно-воспитательной работы», об «усилении мещанства», о «союзе капитала с самыми темными реакционными силами». И рассказывает о «комическом случае» на... Соловках. На страшных островах «архипелага ГУЛАГ» писатель-гуманист побывал незадолго до приезда в Тифлис, «не заметив», что там творилось. Зато ему запомнилось, как выпускавшаяся для эзков стенгазета скалабурила: «Слыхали, Алексей Максимович приехал? - На десять лет?» Он хохотал, не вдумываясь в трагическую суть шутки... Потом еще получил жизни, в частности, тому, как надо воспитывать пионеров, и уехал навсегда.

Можно еще много цитировать бывшего бунтаря, которого сумела «приручить» советская власть. Но не хочется, хотя он и говорил искренне. Лично мне ближе и понятнее другие искренние слова позднего Горького – о городе над Курой: «Я никогда не забываю, что именно в этом городе сделан мною первый неуверенный шаг по тому пути, которым я иду вот уже четыре десятка лет. Можно думать, что именно величественная природа страны и романтическая мягкость ее народа – именно эти две силы – дали мне толчок, который сделал из бродяги – литератора».

Владимир ГОЛОВИН

▲ Маргарита Аствацатурова и Сюзанн Ролье

СУДЬБА КАК КИНОФИЛЬМ

...И небо развернулось пред глазами...
 Когда судьба по следу шла за нами,
 Как сумашедший с бритвою в руке.
 Арсений Тарковский

Предстоящее знакомство волновало: не каждый день общаешься с человеком, которому сто лет. Представлялась больная, немощная, прикованная к постели старушка. Но все оказалось иначе. Меня ждала, любезно согласившись на встречу, женщина с гладким лицом, ясными, задорными глазами, широкой улыбкой, сильным, хорошо поставленным голосом, красивыми руками с маникюром...

Она попросила свою помощницу Ненси посадить ее, пригласила меня сесть и искренне рассмеялась вопросу, как она живет: «Живу вот так, как видите. Мне сто лет!» Она помолчала, отвела взгляд куда-то в прошлое, словно оглянулась на свою жизнь. И оказалась такой талантливой рассказчицей, что ее история, похожая на кинофильм, воспринималась не ушами, а глазами и воображением. «Я, Маргарита Михайловна Аствацатурова, родилась 14 апреля 1911 года в Тбилиси, на Судебной улице в семье адвоката...»

Это была типичная тбилисская интеллигентная семья с достатком. Жила она в большой и светлой квартире с чудесным видом на Мамадавити, двор же смотрел на Классическую улицу (Леси Украинки) и Го-

ловинский проспект (Руставели). Семью обслуживали кухарка, нянечки для троих детей, лакей. Отец, Михаил Павлович, получил образование в Москве и был одним из лучших адвокатов Тифлиса. Мать, Елена Минаевна Меликян, образованная женщина, и балы посещала, и была практичной домохозяйкой. Помимо Маргариты, в семье росли два старших мальчика – Георгий, ставший известным инженером-железнодорожником и уехавший в Москву, и Павел – талантливый музыкант. Семья была гостеприимной и очень артистичной, в доме все время музицировали, декламировали стихи, пели, здесь часто бывали в гостях Ованес Туманян, Геворг Башинджагян, Арцруни Джрбашян и другие замечательные люди.

В двухлетнем возрасте у Маргариты обнаружилось страшное заболевание – туберкулез костей, девочка почти не могла ходить. И после долгих расспросов родители отвезли ее в клинику швейцарского городка Лезен, где доктор Ролье успешно практиковал новый метод – гелиотерапию, лечение солнечными лучами. Мать была вынуждена оставить ее там с няней-немкой, так как лечение должно было быть длительным. Солнце и воздух южного склона Альп пошли ребенку на пользу. Но часть процедур была болезненной, и Маргарита на всю жизнь запомнила их, невозможность ходить и тоску по родным. А еще траурные процессии, проходившие мимо клиники – шла Первая мировая война, и нейтральная Швейцария хоронила солдат, которых в нее привозили с тяжелыми ранениями. Вдобавок ко всему няня сбежала с каким-то бравым воином.

Приезжавшая мать не могла оставаться так долго, как этого хотелось девочке. Все жалели вечно плачущего ребенка, особенно соседка по комнате – француженка Жанин, которую часто навещали родители. Она делилась с подружкой конфетами, игрушками и кни-

▲ **Семья Аствацатуровых в Железноводске. 1913**

гами, обучила ее азам французской грамоты, и скоро Маргарита стала забывать русский. Следующее яркое событие, оставшееся в памяти, - толпы армянских беженцев, спасшихся от турецкой резни и заполнивших Швейцарию. Для них создавались приюты, это обсуждалось и не могло не произвести впечатления на чувствительного ребенка. А затем – революция, которая окончательно изолировала девочку от родителей. Потеряв прежний достаток, они не могли ни платить за лечение, ни привезти ребенка через закрытые границы. И все равно была радость – лечение помогло, Маргарита встала на ноги.

Таких детей, оторванных от родины, было семеро, над ними взял шефство Красный Крест, и всех перевезли в клинику попроще. Но общение с доктором Ролье и его семьей не прервалось, девочка сохранила в душе тепло этих людей. Узнав о ее национальности, работники Красного Креста перевезли ее сначала в приют беженцев, а затем – в Женеву, в армянскую общину. Она пошла в школу, начала писать стихи и публиковать их в местной газете. А родители все это время добивались разрешения на возвращение ребенка. В 1925 году границы приоткрыли, и матери удалось вырваться в Швейцарию. «Я вернулась домой, где все показалось чужим. Радости отца и братьев не было конца, все старались окружить меня заботой, лаской, любовью. Мне нужно было заново привыкать к семье, учиться иметь родных и изучать языки. Я знала только французский. Меня спрашивали: «Как тебя зовут?» Я отвечала на французский манер «Рита» - и все смеялись над моим картавым «Р»».

Но все это ничего по сравнению с теми метаморфозами, которые стали происходить вокруг и с семьей. В 30-х годах напротив их дома начали строить здание ОГПУ, а с другой стороны – внутреннюю тюрьму. Мать Маргариты брала театральные бинокль, смотрела на строительство и ужасалась: «Что за глубокие подвалы строят в этом здании!» Некогда светский квартал приобрел новое содержание, семья «проклятых буржуа» была выселена на Пески. Но матери удалось добиться разрешения жить в другом месте, в трех маленьких комнатках во дворе сололакского дома, где состоялась наша встреча. Дом некогда построил врач Каламаров, и комнаты во дворе, как и во всех старотбилис-

ских домах, предназначались для прислуги. По сути это была типичная коммуналка, где тоже расселили семьи чекистов. Но вокруг жили родные, друзья, много приятных людей.

Диковатая, не знающая дома и семьи девочка доставляла немало хлопот домочадцам, не желая за собой убирать, мыть посуду и стирать свои платочки, которые она выбрасывала под кровать. Ее называли *enfant terrible* (ужасным ребенком). А на смену детству пришла юность и нужно было думать о своем месте в жизни. «Что мне с тобой делать?» - говорила мать. Но делать нужно то, что умеешь и любишь. И Маргариту определили на высшие курсы иностранных языков, где она оказалась самой юной ученицей. После предварительного собеседования ее знания оценили как блестящие и позволили учиться. Диплом дал право заниматься частными уроками. Один из первых уроков прошел в семье знаменитого хирурга, академика Григола Мухадзе. Его невестка Екатерина была сестрой Сандро Ахметели, знаменитого режиссера Руставелевского театра. Маргарита занималась с ее детьми, и именно в этой семье произошла судьбоносная встреча с Георгием Ахметели, братом Сандро и Екатерины, за которого она вышла замуж. Молодожены соорудили себе крохотную, в восемь квадратных метров комнатку в сололакском жилье родителей Маргариты. Там они прожили шесть счастливых лет.

Георгий Ахметели был сыном священника, бывшим офицером царской армии, имел инженерное образование и профессионально занимался мотоспортом. Он одним из первых участвовал в мотопробеге Тбилиси-Москва. Его жена научилась стенографировать, работала в разных конторах, затем на киностудии, где записывала знаменитого режиссера Михаила Чиаурели. Появились интересные знакомства, сложился круг друзей. «Это было лучшее время моей жизни», - говорила она. Но годы были темные и страшные. По городу рыскали закрытые машины, стали исчезать люди. После конфликта с Берия арестовали и в 1937-м расстреляли Сандро Ахметели, Георгий был готов к самому худшему, даже приготовил вещмешок со всеми необходимыми вещами на случай ареста. Но взяли его лишь в 1942-м. «Время было тяжелое, военное, голодное. Я носила передачи в тюрьму – все, что удавалось достать. Бывало, сварю лобио, воду пью сама, а зернышки несусь Жоржику». Георгия обвинили в анти-

▼ **Доктор Ролье. 1924**

▲ С мамой и братьями. 1963

советской пропаганде и отправили на 10 лет в исправительно-трудовые лагеря. А осенним вечером 1943 года, прямо на улице, после собрания на киностудии, задержали и Маргариту Михайловну.

Начались бесконечные, мучительные допросы, число сокамерниц все время сокращалось – некоторых приговаривали к расстрелу. По иронии судьбы это была та самая внутренняя тюрьма, строительство которой когда-то так ужасало ее мать. В ней Маргарита Михайловна провела год, и крики истязаемых людей преследовали ее всю жизнь. А потом – бывшая губернская тюрьма в Ортачала, там условия были полегче. «Я ничего не умела – ни шить, ни лопату держать. Знала только французский! Меня спросили, умею ли я шить. «Умеет, умеет!» - ответила вместо меня Нора Пфейфер, дочь директора немецкой школы при кирхе. И спасла от отправки на тяжелые работы». Однако шить Маргарита Михайловна так и не научилась, с работой не справлялась, засыпала в ночной смене, плакала. Но надсмотрщица за взятки прощала мелкие погрешности, и взяткой стали продукты, которые приносили брат Павлик. А Маргарите оставались маленькие кусочки сахара, сложенные в спичечный коробок...

Потом политзаключенных вывезли в лагерь под Иркутском. «Нас везли 3-4 дня и ночи товарным составом вместе с бандитами, преступниками».

Осудили ее по статье 58-10 на десять и 10 лет (за «болтовню», за хранение книги по истории партии на кухне, за то, что в доме не было портрета Ленина и за то, что она не принимала советскую власть, считая ее палачом интеллигенции). Отсидела она «от звонка до звонка», проживание в Тбилиси запретили, поселиться надо было в Рустави. Но снова мать бросилась на помощь и добила ее возвращения домой. Муж вернулся из лагеря больным и искалеченным. Но и Маргарита, и Георгий были уже другими людьми – подавленными, погасшими, духовно и физически обессиленными. История их любви осталась в другом, лучшем времени и не имела продолжения. Очень скоро Георгий умер.

В 1959 году Маргарита Михайловна получила реабилитацию с полным возвращением имущества (от которого ничего не осталось). Прошел и этот – самый страшный период жизни, нужно было жить дальше. И снова помог французский язык, постепенно пустота в жизни и в душе стала наполняться людьми, их интересом к ней, вниманием, сочувствием, общением. Яркая, эмоциональная, открытая, умная, начитанная, с большим чувством юмора, она обладала особым шармом, талантом притягивать к себе, физическое нездоровье

сочеталось в ней с какой-то мощной силой, идущей изнутри. Эта сила ощущалась и с первых же минут знакомства. «Она оставалась женственной и в глубокой старости», - вспоминает одна из ее учениц, реставратор Нина Китовани. «Она была удивительным явлением в жизни каждого пришедшего к ней. Как пролетевшая комета, которая оставляет незабываемое впечатление, - добавляет музыкант Ирма Лазарашвили. - Я приходила к ней по вечерам, чтобы морально поддержать, но получалось так, что чаще она меня поддерживала советом».

После того, как Маргариту Михайловну сбил автомобиль, у нее деформировались и без того больные кости, она не могла выходить на улицу. И все 30 лет, которые провела дома, она могла часами сидеть, принимая гостей или занимаясь с учениками, и держалась так, что никто бы не подумал, что перед ним инвалид. Единственное, что у нее оставалось – французский язык, и не счесть ее учеников, разбросанных судьбой по миру. «Она была абсолютной альтруисткой, - вспоминает Ирма Лазарашвили, - ее никогда не интересовала материальная сторона. Она преподавала всем желающим за удобную для них плату».

Уже лежа в постели, она любила, когда ей читали вслух книги на французском, и ей очень понравилось, как пишет Иветт Зграгген. Она попросила связать ее с этой швейцарской писательницей, они познакомились и общались по телефону, а Зграгген посвятила один из своих рассказов Маргарите Михайловне, в точности воссоздав картины ее жизни в Женеве, улицы, армянскую общину, где жила девочка. И это не единственный подарок судьбы. Одна из учениц Маргариты Михайловны, вышедшая замуж в Швейцарию, увидела в телефонной книге фамилию Ролье. Трубку взяла младшая дочь врача Сюзанн, с которой Маргарита Михайловна дружила в детстве. Она так разволновалась и обрадовалась, что приехала в Тбилиси. После 60 лет разлуки подруги нашли друг друга и больше не теряли связи. Приезжали и дочь, и внуки Сюзанн. А еще о Маргарите Михайловне узнал французский журналист Режи Жанте, живущий в Грузии и женатый на грузинке. История тбилисской женщины, верной французской культуре, так его впечатлила, что он захотел привлечь внимание своих соотечественников. Сам старался помочь, дружил с ней, а из Франции к ней стали приходить письма и подарки. А однажды на пороге ее дома появился гость, который специально приехал, чтобы с ней познакомиться. «Он снял комнату на улице Чонкадзе и целыми днями сидел у нас, беседуя с Маргаритой Михайловной», - вспоминает Ненси Геленидзе, ухаживавшая за Маргаритой Михайловной, когда та стала беспомощной. Ей приходилось не только ухаживать за одинокой, больной женщиной, но и бегать по разным инстанциям, добиваться помощи, собирать с миру по нитке. По мере возможности все старались помочь – и бывшие ученики, ставшие друзьями, и соседи, просто знакомые, работники посольства Армении.

Маргариты Михайловны не стало 17 ноября 2011 года. Любящим ее людям этот уход дал ощущение законченной, а не прерванной жизни. Она оставила память о своей необыкновенной судьбе, полной трагических событий и короткого счастья. А еще – французский язык, добрые воспоминания и сололакский дом с истертым порогом...

Анаида ГАЛУСТЯН

КОНЦЕРТ МОЦАРТА

ОКОНЧАНИЕ

Она побледнела, но не произнесла ни слова. Он продолжал смотреть на нее все тем же особенным взглядом, и она подумала, что таким взглядом, должно быть, глядит на мир Сатана. Она опустила глаза, не в силах больше выдержать этого холодного, всезнающего, надчеловеческого взгляда.

- Вы думаете, что я не знаю, как была сделана эта запись? - и он указал трубкой на лежащий на столе конверт. - Вы думаете, что мне неизвестно, когда отпечатали с матрицы эту пластинку? Вы думаете, от товарища Сталина можно что-то скрыть? Вы думаете, товарища Сталина можно обмануть? Вы действительно так думаете?

С каждым предложением, с каждым словом голос его звучал все напряженнее, его грузинский акцент усилился, дыхание участилось. Она подняла на него глаза - и тотчас опустила их. «Сатана», - пронеслось у нее в голове. - «Сатана!»

- Я понимаю вас, - произнес он внезапно спокойным тоном - и, будь перед нею нечто обычное, она подумала бы о дешевом театре, о комедиантстве. Но то, что развертывалось перед ней, не было ни театром, ни комедиантством, но страшными арабесками души, пришедшей из другого, нечеловеческого мира - или может быть отринувшей человеческий мир.

- Я понимаю вас, - продолжал он тем же спокойным тоном. - Вы не хотите никого... - он замялся, подыскивая слово, - вы не хотите никого подставить под топор. Но вы напрасно тревожитесь. Товарищ Сталин не будет наказывать участников этой затеи. Даже того глупого и безответственного товарища, который из страха попытался обмануть товарища Сталина. Из страха.

Все время, пока он говорил, она сидела, опустив глаза, чтобы не видеть этого обжигающего ее, пронизывающего ее до костей взгляда. Руки ее похолодели, ноги налились свинцовой тяжестью, сердце колотилось

где-то у горла, ей было трудно дышать. Она не заметила, как Сталин подошел ближе, и подняла глаза, только услышав близко его дыхание.

- А вы, - произнес он медленно, с усилием, - вы тоже боитесь товарища Сталина?

Она посмотрела ему прямо в лицо и ответила твердо: «Нет» - и повторила, продолжая смотреть ему в глаза.

- Что ж, это правильно, - как бы рассуждая с самим собой сказал он. - Это правильно. Другого ответа я не ожидал.

Он отошел вглубь кабинета, подошел к своему столу, взял в руки свою давно потухшую трубку, потянулся за спичками, потом, видимо, передумав, положил трубку на стол, медленно прошел к окну, вернулся. Какая-то мысль, что-то недоговоренное не давало ему покоя.

Она снова опустила глаза. Нет, не стоило ей соглашаться на эту встречу, она слишком устала - что-то, наверное, надо было придумать.

- Когда я, - продолжил он, - когда я вижу передо мной человека, который боится меня, я спрашиваю: почему он боится? Чего ему бояться товарища Сталина? И я отвечаю себе: он потому боится что он - враг, или потому что он - безответственный человек или потому что он не хочет по-настоящему работать. А иначе - зачем ему бояться? Настоящим людям, честным труженикам нечего бояться товарища Сталина. Или... вы так не думаете? - Он остановился в отдалении и искоса посмотрел на нее.

- Они боятся не вас, Иосиф Виссарионович, - голос ее прозвучал хрипло, ей хотелось откшляться, но она не сделала этого, иначе пропала бы вся цельность того, что она собиралась ему сказать, - они боятся того... Молоха, который вот уже много лет витает как дух над нашей страной, над всеми людьми, над всем человеческим, что в ней есть, сея смерть, несчастье и раз-

рушение.

Почти все время, пока она говорила, он продолжал искоса, стоя к ней вполоборота, смотреть на нее, но при ее последних словах он резко повернулся и взглянул ей прямо в глаза. Взгляд этот был страшен. Он пронесся через ее голову, как наверное пронеслась бы пуля, выпущенная ей в лоб. Ей снова стало трудно дышать, заныло сердце, но она совладала с собой и не выдала ничем своего волнения.

- И кто же этот Молох? Как его зовут, этого вашего Молоха? - спросил он тихим голосом, в каждом звуке которого чувствовалась еле сдерживаемая ярость. - Может быть этот Молох – товарищ Сталин? Так кто же этот Молох, Мария Вениаминовна?

- Он не «кто», он «что», - медленно, преодолевая волнение, сдавливавшее ей горло, сказала она. И вдруг, неожиданно для себя, она поняла, что скажет сейчас этому человеку то, что давно уже говорила ему в своих воображаемых с ним беседах.

Сталин отошел к своему столу, разжег трубку и вернулся туда же, где стоял.

- Иосиф Виссарионович, - произнесла она медленно, начало далось ей с трудом, спазм в горле мешал ей говорить. - Иосиф Виссарионович, я заклинаю вас именем вашей матери, именем тех немногих людей, которых вы любите, наконец именем того, чей крест был дан вам при вашем крещении, остановите поток зла, поток крови, ту бурю, которая бушует по всей стране, сметая все человеческое, разрушая людское счастье!

▲ Мария Юдина

Не дайте развернуться новому витку, новому кровавому потоку! Не погубите вконец свою душу!

Сталин остался стоять, где стоял, он только положил трубку на стол и стоял сейчас, скрестив руки, смотря ей прямо в глаза. Но теперь во взгляде его не было ни ярости, ни ненависти, ни злобы – он был скорее задумчивым и печальным.

- Остановить поток, - медленно произнес он. - Остановить поток, - сказал он еще медленнее. - Как, наконец вы человек?

Вы думаете, товарищу Сталину стоит выйти на трибуну и сказать: Все, товарищи! Террора больше не будет! Теперь наш лозунг «Лучше пусть десять виновных, десять вредителей, десять саботажников гуляют на свободе, чем один невиновный будет сидеть в тюрьме!» - и сразу воцарится мир? И те, которые раньше

не могли жить без террора, которые его обеспечивали, строили на нем свою карьеру, свою власть – все эти люди добровольно за мной последуют? И те, которых только террор, только страх заставлял работать, восстанавливая нашу разрушенную войной, израненную, окруженную врагами страну – эти люди будут так же работать без террора, без страха? Или вы думаете, что те миллионы людей, которые сгорели в горниле войны – что все эти люди добровольно пошли бы на смерть? И что эту страну, самую великую страну в мире, можно было построить без террора? Вы знаете, что будет с вами, если вы крикнете в многолюдной толпе: Долой террор! Да здравствует свобода!?! ...Нет, нет, вас не арестуют. Вас просто не успеют арестовать. Прежде, чем это успеют сделать, эти самые люди, о счастье которых вы так печетесь, разорвут вас на части, втопчут вас в землю. И если завтра товарищ Сталин, про которого вы, кажется, думаете, что он может все, что он всевластен, если завтра товарищ Сталин объявит, что он отменяет террор, если он только попытается об этом сказать – его разорвет на части его окружение. Но товарищ Сталин не будет отменять террор не только поэтому. Товарищ Сталин не будет отменять террор потому, что он уверен: железные обручи террора – это единственное, что может спасти нашу великую страну от развала. Единственное, что может поддержать ее величие. Единственное, что не отдаст ее на съедение ее врагам. И товарищ Сталин уверен: миллионы простых людей, миллионы честных тружеников поддержат его!

Он подошел к ней ближе.

- Вы ведь хорошо знаете историю. Кто из прежних правителей России остался в народной памяти? Разве Александр Второй, отменивший крепостное право, учредивший городское самоуправление, суды присяжных? Или Алексей Михайлович Тишайший, молившийся за спасение своей души? Нет, в памяти народа ни Александр Второй, ни Алексей Михайлович не остались, как не остался в ней Александр Первый, начавший свое царствование с безумных конституционных проектов. Но в памяти народа остался Иван Грозный. В памяти народа остался Петр Великий. В памяти народа осталась Екатерина Вторая, вовремя понявшая, что единственным средством управлять этой огромной страной является абсолютное самодержавие, абсолютная власть, и как ее следствие – аппарат подавления. Всем известно, какими методами действовал Иван Грозный или за счет каких жертв был построен Петром его город – и что? Осудил их народ за это? Нет! Что вы знаете о власти? - а ведь вы судите ее! Что вы знаете о народе? - а ведь вы говорите за него! Неужели бы вас не возмутило, если бы я стал давать вам советы, как вам играть Моцарта или Баха или как вам учить ваших студентов? Так почему же вы так уверенно говорите о том, чего не знаете и знать не можете?

Он постоял молча, потом подошел к столу, положил погасшую трубку, отошел к окну и долго стоял, вглядываясь в темноту.

Она сидела, подавленная его отповедью, понимая, что ни в чем не сможет убедить этого человека, что вся эта встреча, которую она десятки раз проигрывала в своей фантазии, на которую она подспудно, втайне от самой себя надеялась, что вся эта встреча прошла впустую. Она не нашла нужных слов для него, а может быть, никакие слова не могли бы, не могут уже здесь ничего сделать. Она вдруг почувствовала себя постаревшей, усталость снова навалилась на нее, и сейчас она хотела только одного – чтобы этот ее визит поскорее кончился, она бы снова оказалась дома и легла бы спать.

«Господи, неужели этот человек никогда не уста-

ет?» - думала она. - «Ну почему он меня сейчас не отпустит – ведь все, что можно было сказать, уже сказано! Ну что ему стоит сейчас подойти ко мне и попрощаться – пусть говорит при этом что угодно, хоть «Визит окончен!» - мне уже все равно. Но нет, он все стоит у окна, стоит и стоит, ему безразлично, что я падаю от усталости».

Усталость, желание заснуть – тут же, где она сидит, будь, что будет! – накатывали на нее волнами, вызывавшими удушье и дурноту. Она пыталась бороться со сном, но в какой-то момент потеряла контроль над собой; очередная накатывшая волна смысла все на своем пути – и она провалилась в сон. Она не слышала, как Сталин, отвернувшись от окна и увидев, что она заснула, подошел, стараясь не шуметь, к столу, отодвинул стул и сел. Он набил трубку табаком, разжег ее и сидел теперь, тихо пыхтя ею, глядя куда-то вверх головы спящей гостьи.

Мысли его были рассеяны, он устал.

Вчерашний день был, как всегда, наполнен ворохом дел, потом приход пианистки, их разговор – и вот сейчас она, вместо того, чтобы дать ему возможность с ней попрощаться, поехать к себе на Ближнюю Дачу и хоть немного выспаться – она взяла и заснула. Как будто бы не могла потерпеть до дома! Ни выдержки, ни самообладания у этих людей! А ведь ему так необходим отдых! Что-то он стал в последнее время быстро уставать, восстанавливать силы становится все труднее. Уже и русская баня, которую он так любил, после которой еще недавно чувствовал себя каждый раз бодрым, полным сил – уже и она не приносит былой бодрости. Что это – годы? Или просто усталость накопилась – он ведь не отошел еще как следует от напряжения военных лет, а сколько чего было потом! Или... или, может быть, он... болен? Может быть, эта сволочь из Кремлевки, эти убийцы в белых халатах – может быть они... медленно травили его? Нет, нет, не надо паники. С ним все в порядке. Он еще полон сил! Как это сказал Тарас Бульба: «Есть еще порох в пороховницах!» Эта женщина, сколько она собирается спать? Ему работать надо, а ей хоть бы хны – сидит себе в кресле и спит, неплохо устроилась. Впрочем, пусть поспит еще несколько минут – и он перевел на нее взгляд.

Он посмотрел на нее своим особым сталинским взглядом, проникающим человеку в самую душу, высвечивающим ее самые потайные уголки. Он любил

этот взгляд, любил, когда человек, на которого он так смотрел, съеживался и бледнел, понимая что ни защититься, ни скрыться от этого взгляда нельзя.

Кто она, эта женщина? Большой музыкант? Говорят, не всем ее игра нравится. Но ему это все равно. Ее игра нравится ему, этого достаточно. Что ж, он умеет ценить людей искусства, он одарит ее по-царски, он уже распорядился об этом... Большой музыкант... Но кто она еще? Кто? Святая? Юродивая? Кто? О чем она молится в ее церкви, за кого просит – может быть и за него?

Молится! Чему только помогут эти молитвы – разве сохранят они его от болезни и немощи – и... разве защитят от... смерти? Что-то он в последнее время слишком часто об этом думает. Эта усталость – коварная штука. Надо с этим что-то делать, надо...

Мария Вениаминовна проснулась, как от толчка, от какого-то тревожного ощущения и открыла глаза. Сталин сидел за своим столом и смотрел на нее. Она встретила его взгляд – и обомлела.

Перед ней сидел тяжело состарившийся, больной, совершенно разуверившийся в людях, одинокий, задыхающийся от страха перед неизбежной смертью и расплатой за пролитые им реки крови человек, и в душе Марии Вениаминовны, так сильно его ненавидившей, так часто его проклинавшей и желавшей ему скорой гибели, поднялось глубокое сочувствие к этому одиночеству, к этой волею обстоятельств и собственного зла загубленной человеческой судьбе.

Возможно, он заметил ее состояние, понял, что она увидела в нем то, чего не должна была, не имела права видеть, потому что выражение его лица изменилось. В глазах его сверкнул желтый тигриный огонь, щеки и лоб побледнели от мгновенно всклокотавшего в нем бешенства. Ни один человек, переживший в его присутствии, а уж тем более вызвавший в нем это состояние, не был способен выдержать этот взгляд, но Мария Вениаминовна выдержала его, оставшись естественно спокойной. И то ли это, то ли, может быть, старческая усталость, в последнее время все чаще и чаще внезапно охватывавшая его, заглушили в нем это бешенство, не дали ему вылиться в мысль, что сидящую напротив него женщину, узнавшую о нем что-то, в чем он и самому себе не признавался, надо уничтожить. Постепенно возбуждение его спало, он опустил глаза и долго сидел молча. Когда он поднял глаза и посмотрел на Марию Вениаминовну, в глазах этих не было больше ничего, кроме глубокой печали.

- Вы порядочный человек, Мария Вениаминовна, –

медленно, с усилием сказал он, – вы очень порядочный человек. В моей жизни я встречал мало таких порядочных людей. И чем выше я подымался, тем меньше их становилось. Почему так? Ведь сверху должно быть виднее, и выбор должен быть больше.

Он говорил тихо, как бы размышляя, и Мария Вениаминовна подумала, что, может быть, даже наедине с собой этот человек редко позволяет себе такие вопросы.

- Я не знаю здесь ответа, Иосиф Виссарионович, - так же тихо сказала она, - кроме одного: во всякой власти есть что-то от Бога, но и что-то от Сатаны. Может быть, потому, что и во всяком человеке это есть.

Сталин ничего не ответил. Он медленно подошел к окну и долго смотрел на разгорающееся за окном зимнее утро. Когда он повернулся от окна и подошел к Марии Вениаминовне, перед ней был другой человек – гостеприимный хозяин, который час назад наливал ей чай и угощал пирожными и шоколадными конфетами, а потом слушал вместе с ней доставленную ему пластинку с ее записью.

Сейчас он стоял рядом с ней с немного виноватым видом.

- К сожалению, Мария Вениаминовна, нам пора прощаться. Я хочу еще немного поспать перед трудным днем, да и вам, наверное, надо выспаться – у вас ведь тоже целый рабочий день впереди, – и он подал ей руку, помогая встать.

Мария Вениаминовна поднялась.

- Храни вас Бог от соблазнов зла, - сказала она. - Я буду молиться за вас. Молитесь и вы, если можете. Бог милостив – он простит.

- Храни тебя Бог от зла – вот так же сказала мне на прощание моя мать, когда была у меня последний раз в Москве, - произнес Сталин тихо, - сказала и перекрестила меня.

И добавил, когда Мария Вениаминовна была уже у порога:

- Спасибо вам. Мне давно уже никто не доставлял такой радости.

Мария Вениаминовна вышла в приемную. Человек, с которым она пришла, ждал ее, и, как только она вошла, поднялся, помог ей надеть пальто, и они вышли. Они шли опять каким-то сложным путем, но был ли это тот же путь, по которому они пришли, она не знала. Наконец они вышли во двор и сели в машину.

4.

Они подъехали к ее дому, спутник помог ей выйти и, когда она уже хотела попрощаться, чтобы идти к себе, сказал: Минутку! Он достал с сиденья машины портфель, вынул оттуда конверт и протянул ей.

- Товарищ Сталин просил вам передать этот конверт. В нем деньги. Может быть мне стоит проводить вас до дверей вашей квартиры? - Она кивнула.

Они вошли в подъезд, освещаемый едва мерцавшей под потолком тусклой лампочкой, и поднялись к ее дверям. По дороге оба молчали. Ее спутник – из такта ли или из дисциплины, к которой был приучен – не тревожил ее никаким вопросом, она же ощущала необыкновенную, ранее никогда ею не испытанную усталость.

У дверей ее квартиры они попрощались, и Мария Вениаминовна вошла в свою комнату, из которой ее вывели несколько часов назад и в которую она вначале не надеялась вернуться. И чувство, что она снова здесь, среди милых ее сердцу, давно уже для нее одушевленных вещей – это чувство успокоило ее и придало сил.

Она посмотрела на переданный ей конверт, который все еще держала в руках и на котором рукой Сталина было написано ее имя, и положила конверт на

стол. Потом она сняла пальто, повесила его на вешалку в коридоре, вернулась в комнату и подошла к столу.

Она взяла в руки конверт, открыла его, прочла сопровождающую конверт записку о том, что товарищ Сталин посылает Марии Вениаминовне Юдиной двадцать тысяч рублей, и вынула из конверта деньги.

Огромная сумма не удивила и не потрясла ее. Решение, как ей этим даром распорядиться, пришло к ней как-то само и сразу. И так же сразу она решила, что оставить подарок без ответа она не может. Сегодня был, правда, день, когда она занималась со студентами, но до начала занятий было еще порядочно времени.

Она открыла окно, постояла у него, дыша морозным воздухом – в комнате было жарко натоплено и от тепла у нее кружилась голова. Потом она приготовила себе чай и начала писать письмо Сталину, в котором она благодарила его за подарок и обещала молиться за него, чтобы Бог, который милостив и милосерден, простил бы ему все его преступления – письмо, которое потом будет, как легенда, сопровождать ее и после смерти.

5.

В то время как Мария Вениаминовна писала свое письмо, Иосиф Виссарионович Сталин ехал в сопровождении обычной для таких случаев охраны к себе на Ближнюю Дачу. Сегодня он нарушил свой режим, которого пунктуально, даже в тяжелое для себя время, придерживался. Ему надо было бы давно быть в постели, чтобы успеть выспаться и встретить завтрашний день полным сил – что удавалось ему теперь все труднее. Машина ехала быстро, ее мягкие рессоры заглушали дорожную тряску, и Сталин задремал. Мимо его полуприкрытых веками глаз проносились освещенные улицы, мелькали перекрестки, люди, куда-то спешащие по своим делам – и в этом мелькании перед ним вдруг возникло лицо Марии Вениаминовны, его выражение в тот момент, когда она произнесла «Храни вас Бог от соблазнов зла» и призвала его покаяться в его грехах...

Эта женщина сказала ему то, что ему не осмеливался говорить никто за все годы его жизни, она увидела в нем то, что он не показывал никому, в чем не признавался даже себе! Но он не убьет ее, он оставит ее в живых.

Да, он оставит ее в живых! - на вершине той высшей власти, которой он достиг, он может себе позволить эту роскошь.

Он убил многих – бывших соратников, переставших быть соратниками, как только они увидели его силу, и

бывших друзей, переставших быть друзьями, потому что они начали бояться, а значит, и ненавидеть его.

Он убил родственников своей первой жены и отправил в лагерь жену своего сына Якова. Порой по ночам ему снятся убитые им люди, они обступают его плотно, так что он уже не может дышать – и тогда его охватывает ужас, он встает с постели и долго ходит по комнате взад и вперед, стараясь унять дрожь и успокоить колотящееся сердце. И все же – все же он был прав: другого выхода тут не было. И он знает, что он будет это делать и дальше. Будет, если это станет необходимым.

А этих мерзавцев, которые спят и видят, как он, ослабевший от старости и болезней, отдаст им свою власть – этого глупого, хитрого шута с ничтожной душкой Мыкиту, эту разъявшуюся жабу Маленкова и этого самого опасного из них, этого своего компатриота в пенсне – он убьет их всех! Всех! И их прихвостней, которые спят и видят, как им будут сыпаться блага и власть, как они будут обворовывать страну, которую он построил – их он убьет тоже. Все пойдут под топор! И он еще увидит, как они, предавая друг друга, будут вопить о пощаде, как он руками одних уничтожит других, а потом отправит на эшафот и тех, предавших своих

вчерашних союзников и хозяев.

И их лакеи и лизоблюды, эти продажные писаки, лизавшие им сапоги – эти пойдут под топор тоже! Он покажет им всем, всей этой сволочи, которая, как тараканы, бегают у его ног и готова унижаться как угодно, только бы сохранить свои привилегии! Он им покажет, что он еще силен, что его власть непоколебима. Он им покажет, что есть еще в этой стране кто-то, кто заботится о своем народе, и этот кто-то – он! Он!

И миллионы простых людей, честных тружеников поймут его и пойдут за ним. Они будут требовать казни предателей – как они этого требовали в тридцать четвертом и в тридцать седьмом, и в тридцать восьмом, как они сейчас требуют казни врачей-убийц, сионистских агентов и их прислужников. Потому что люди будут знать – это забота о стране, забота о ее величии!

Да, тысячи невинных пойдут под топор тоже. Лес рубят – щепки летят. Это не он придумал, это часто повторял Ильич, а Ильич понимал толк в терроре. Да, террор – иначе не удержишь страну, не заставишь людей работать. Тысячи невинных – что ж, такова цена, тут никто ничего не может поделать.

Эта женщина – что она понимает о власти? Что понимает она в жизненной борьбе? Что знает она о его одиночестве, о его терзаниях, когда он вычеркивал людей, ему близких, из своей памяти, жертвуя ими ради высшей цели? Что знает она о его бессонных ночах, когда он должен был отдать ради этой цели своего сына, бросив и его в горнило общей победы? Она не знает об этом ничего, но она судит его. Судит, хотя в Евангелии сказано: «Не судите, да не судимы будете». Судит.

И все же он оставит ее в живых. Может быть, хоть за это скостится ему что-то из его грехов. Пусть хоть эта душа молится за него и вымаливает прощение, в которое он не верит, за грехи, совершать которые его заставила страшная миссия, возложенная на него судьбой... Нет, он не убьет эту женщину, он оставит ее в живых, и с этой мыслью, с этим решением он заснул.

Мария Вениаминовна тем временем перечитала свое письмо, добавила пару фраз, убрала пару лишних и переписала письмо набело. Потом она еще раз перечитала его, положила письмо в конверт и надписала на конверте «Москва. Кремль. Иосифу Виссарионовичу Сталину», а внизу, у рубрики «от кого» написала «М.В. Юдина». Потом она заклеила конверт, приклеила к нему марку, спустилась вниз к подъезду, у которого был приторочен почтовый ящик, и опустила туда письмо. Потом она медленно, как бы в раздумье, поднялась к себе, зашла в комнату и посмотрела на часы. Была половина десятого. Первый студент – в эти дни она занималась дома – придет только в час, так что у нее есть возможность немного поспать.

Она поставила будильник на двенадцать, легла – и мгновенно заснула. Ей снился ночной звонок, ярко освещенный зал радиокомитета, генерал Ильинский, «Шествие на казнь» из «Фантастической симфонии» Берлиоза под «Музыку для фортепиано и ударных» Бартока, ее разговор со Сталиным и его последние слова, обращенные к ней. «Храни нас Бог от соблазнов зла», прошептала она во сне и почему-то добавила: «Изыди от меня, Сатана!»

Моисей БОРОДА

Проза Моисея Бороды необычна. Фантастика органично сочетается в ней с исторической реальностью, сатира с глубоким психологизмом, пародийность с аллегоричностью. Читатель с тонким художественным слухом уловит в ней мотивы Эдгара По и Франца Кафки, дедушки Крылова и Михаила Зощенко. Но никому из классиков Моисей Борода не подражает – он глубоко самобытен. В основе сюжета некоторых рассказов – встречи «окрыляющего гения» с «окрыляемыми» деятелями культуры: Маяковским (вернее с его памятником), Алексеем Толстым, выдающейся пианисткой М.В. Юдиной. Встреч этих не было, но если бы были, то проходили бы именно так, как изобразил писатель. Моисей Борода заставляет в это поверить, потому что он превосходно владеет историческим материалом, который остался за кадром, но щедро питает его воображение.

Семен РЕЗНИК
Член Союза писателей Москвы
и Международного ПЕН-клуба
Вашингтон

▲ Михаил Глинка

РОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ

«Он, барин, Пугачева угадал и в пугачевскую душу проник, да еще тогда, когда никто ни во что не проникал. Он, аристократ, Белкина в своей душе заключал. Он художнической силой от среды своей отрешился и с точки зрения народного духа ее в «Онегине» великим судом судил».

Достоевский о Пушкине

Короткую реплику на полях мемуаров Михаила Глинки – «кучера, по-моему, дельнее господ!» - ожидала судьба крылатой фразы. В советское время высказывание стали использовать как показатель близости композитора-аристократа с народом; не вдаваясь в подробности, цитировали при каждом удобном случае, способствуя тому, что к нему привыкли и над смыслом его перестали задумываться. На самом деле эта

саркастическая острота заслуживает самого серьезного отношения; адресованная к организаторам травли композитора после выхода на сцену его оперного первенца, она проливает свет на личностные качества Глинки.

Мировосприятие Глинки, его художнические корни формировались в условиях усадебного быта, где русская природа с момента пробуждения сознания «пахнула на него всем обаянием своим» (Достоевский), в сплетении сопутствующих исторических обстоятельств и семейных традиций. Должно быть, в детскую память навсегда запало имя священника Стабровского, под предводительством которого крестьяне отстаивали церковь в Новоспасском во время нашествия французов, или рассказы о подвижничестве крепостных Глинок, сумевших защитить от неприятеля родовое имение и сохранить имущество до возвращения хозяев. Подобные действия могли быть совершены только благодарными подданными, и гуманное отношение к представителям низших сословий, «милость к падшим», которую Глинка пронес через всю жизнь, несомненно, перешли к нему от предков. Крепостные музыканты, братья Нетоевы – «довольно порядочный скрипач» Алексей и виолончелист Яков – прочно вписались в быт и работу композитора. Алексея он собирался взять с собой в первое заграничное путешествие и уже начал хлопотать о паспорте, но в это время в Новоспасском приняли решение о назначении его управляющим имением (еще одно свидетельство отношения к крепостным, которые прежде всего оценивались по способностям), кем он и оставался более тридцати лет. Яков же, преданный лакей Михаила Ивановича, обладавший даром заглушать осязанием экономические затруднения чудесами кулинарного искусства, был не-

изменным участником домашних ансамблей (вместе со своим братом), нередко – переписчиком нот. Живо интересуясь подробностями творческого процесса Глинки, он считал себя вправе сообщать в отсутствие хозяина посетителям о том, на какой стадии находится работа над новым произведением (свидетелем тому однажды стал А.Н. Серов). О «Жизни за царя» («Иван Сусанин» - Ред.) Яков Нетоев говорил: «Наша опера»; это дало повод для шутки о том, «что Глинке в его сочинениях очень помогает его слуга... человек с огромным талантом».

На прощальном вечере перед отъездом композитора из Петербурга (9 августа 1840 года) в составленном Кукольниковым «церемониале проводов» Я.Нетоеву, вместе с Глинкой и певчим из Придворной капеллы Палагиным, предстояло разыграть «большую историю на фортепиано, скрипке и басу». Не удовлетворившись этим, захмелевший Яков, решил также принять участие в исполнении прощального хора. «Он с самонадеянностью взял контрабас Мемеля (артист оркестра Большого театра, концертмейстер группы, один из наиболее почитаемых Глинкой музыкантов. - М.К.) и принялся играть, но руки не повиновались, и он с презабавною миною смотрел вокруг себя с изумлением». Такая самовольная выходка крепостного слуги только позабавила композитора.

Ответственность за тех, кто находился в социальной зависимости от его семьи, неустанно владела композитором.

▼ Сусанин (А.О. Петров) и Антонида (Ю.Ф. Платонова). 1870-е гг.

Сохранилось письмо в Новоспасское с распоряжением об обновлении, при использовании хорошего полотна, носильного и постельного белья; при этом имеются в виду и потребности слуг, которые ставятся наряду с нуждами господ.

«...Прикажи обшить людей в особенности чтобы белья было вдоволь – довольны люди, нам же веселей», - просит он Л.Шестакову в другой раз. Незадолго до смерти, узнав о разразившейся на Смоленщине засухе, пишет сестре: «Прискорбно мне очень, что наши бедные крестьяне терпят от неурожая, но я надеюсь, что ты головы не потеряешь». Последние слова следует воспринимать как просьбу об облегчении положении крепостных, в то время как об уроне, который предстоит понести имению, его владелец даже не обмолвился. С большим чувством благодарит он Людмилу Ивановну за назначение «вольных»: «...ты исполнила давнишнее желание моего сердца и несказанно успокоила меня».

Демократизм – неотъемлемая часть профессионального сознания Глинки. Путешествуя по разным странам, он постигает музыкальный фольклор и национальную хореографию в гуще народа, не гнушаясь никаким общением. Так, во время последней поездки в Испанию главный объект внимания композитора – «национальная музыка Испанских провинций, находящихся под владычеством мавров», которая, по его убеждению, подверглась сильным искажениям. На успех в профессиональной среде с прискорбием смотрел в сторону Италии Глинка не рассчитывал; единственная возможность отыскать подлинные образцы виделась ему в общении с простым народом – извозчиками, мастеровыми и т.п., от которых он так охотно записывал народные мелодии и у себя на родине. Известно, как осваивал Михаил Иванович основы испанской народной хореографии. Вспомним хотя бы акварелью написанную карикатуру Степанова «Неистовая пляска». Незримые узы, которые в условиях усадебного быта протягивались от хозяев имений к их слугам – главный предмет размышлений Гончарова в очерке «Старые слуги», и пародийное сопоставление Обломов – Захар определяет почвенные корни «кучерской музыки» Глинки, который задолго до «моды на гражданские мотивы» (Мусоргский) воздвиг памятник не только герою Ивану Сусанину, но и камаринскому мужику.

Казалось, черты личности и качества художественной натуры Глинки, из-за которых музыкальный язык его первой оперы оказался неприемлемым для известной части общества, после смерти композитора станут поводом к его «реабилитации». На деле все вышло наоборот. В эпоху Александра II, царя-освободителя, творец образа Сусанина, стойкий демократ, стал обвиняться в верноподданничестве; судьями при этом были лица, причастные в разное время к его ближайшему окружению. Это, прежде всего, В.В. Стасов, которого Глинка в конце жизни начал подозревать в двойственности. «Додо написал мне недавно письмо, в котором превозносит меня до небес, а все-таки не утерпел и подвернул каку», - сообщает он сестре из Берлина.

«Никто, быть может, не сделал такого бесчестия нашему народу, как Глинка, выставив посредством гениальной музыки на вечные времена русским героем подлого холопа Сусанина, верного как собака, ограниченного как сова или глухой тетерев, и жертвующего собой для спасения мальчишки, которого спасти во все не следовало и которого он, кажется, и в глаза не видел. Это – апофеоз русской скотины московского

типа и московской эпохи». Так писал В.В. Стасов М.А. Балакиреву в 1861 году, знаменательном крестьянской реформой.

Совершенно непонятно, как получилось, что пламенный патриот и глубокий знаток прошлого своей страны Стасов полностью игнорирует эпоху, к которой обращено либретто оперы.

«Чтоб трон поправить царский // и вновь царя избрать, // Тут Минин и Пожарский // Свою собрали рать. // И выгнала их сила // Поляков снова вон. // Земля же Михаила // Взвела на царский трон» (А.К. Толстой). Эту историческую ситуацию, одинаково болезненную для всех сословий, осознавал, с его глубокой верой в царя как «в помазанника божьего», и православный крестьянин Иван Сусанин, который, по убеждению Мусоргского, «...не мужик простой, нет: идея. Легенда, мощное сознание необходимости».

Мужиком Сусанин не кажется и В.Соллогубу, который поначалу предполагался как либреттист оперы. Этот царедворец воспринимает главного героя как «человека, одержимого мономанией спасти царя, даже в то время, когда царь в спасении вовсе не нуждается». Возмущаясь энтузиазмом, с которым участники действия выражают свои чувства к новоявленному монарху, он излагает свою натуралистическую концепцию сцены в избе – возвратившийся домой Сусанин требует щей и каши, ведет расспросы о хозяйстве.

«Ничуть не бывало. Вместо этого «я буду служить царю», «ты будешь служить царю», «мы будем служить царю». Однако, в пылу полемики с ушедшим из жизни (в 1857 г.) автором оперы, Соллогуб упускает из виду главное – высокий этический смысл этой сцены, заложенный в отношениях между поколениями – отцом и дочерью, женихом и невестой, главой семьи

▼ Собинин (П.П. Булахов). 1860-е гг.

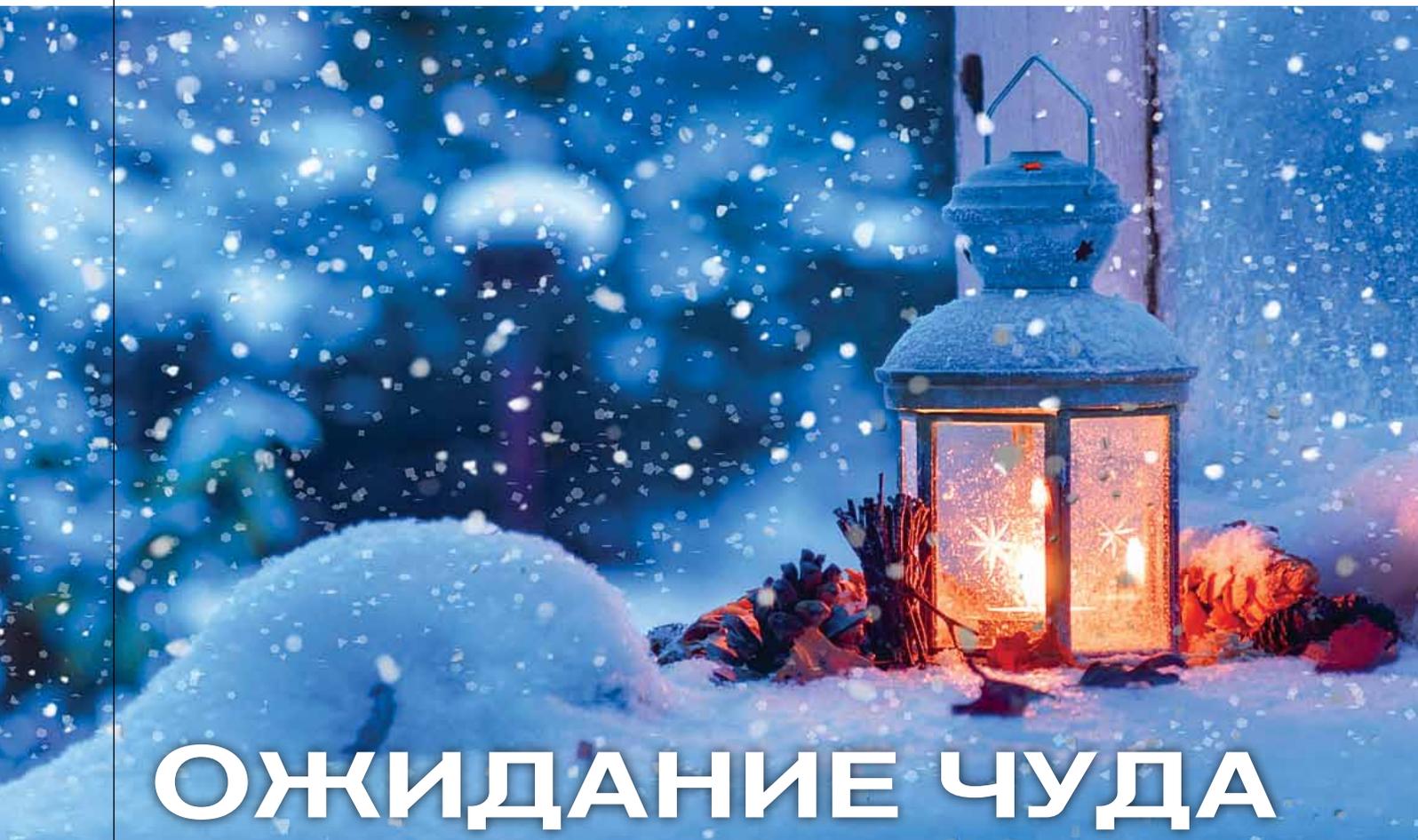
и взятым им на воспитание сиротой. Последнее настолько импонировало слушателям оперы, что Ваня сделался любимцем публики, и композитор добавил к его поначалу скромной роли сцену в посаде (по словам В.Соллогуба, сам Глинка относился к роли Вани с особой любовью, говорил о нем «с родительской нежностью, как о живом мальчике»). И когда «первенец» Глинки, благодаря усилиям Питоева, зазвучал на тифлисской сцене, слушатели этой героической оперы с особой благосклонностью отнеслись к чадолжию главного героя, назидательной для всех времен идеи сплоченности семьи, и номера из партии Вани обычно исполнялись «на бис».

Покорила слушателей и любовная линия дочери Сусанина Антонида и ее жениха Богдана Собинина, чья свадьба, по настоянию отца, откладывалась из-за политического безвременья. В этой музыке отразились чувства, которые испытывал тогда автор оперы – «безумная любовь» к невесте, мечты о супружеской идиллии. Свои переживания композитор передал персонажам, чьи образы вопиюще противоречили его социальному окружению, лицам, в правдивости и искренности которых был глубоко убежден.

Обиду на великосветских «ценителей» своей музыки Михаил Иванович увез с собой, навсегда покидая Россию.

Опера «Жизнь за царя» прошла долгую жизнь, неизменно привлекая внимание исследователей музыки. Но получил ли художественный подвиг композитора должное определение? В эпоху, когда демократические традиции начинали набирать силу, предвосхищая впоследствии осмеянную Мусоргским «моду на гражданские мотивы»; когда пафос гражданственности поднял на щит «маленького человека», Глинка в народной музыкальной драме воспел цельность природы, величие духа и непоколебимую стойкость русского крестьянина, возведя его на высокую ступень социальной иерархии.

Мария КИРАКОВОСА

ОЖИДАНИЕ ЧУДА

«Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока и говорят: где родившийся Царь Иудейский? ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему» (Мф.2:1-2).

Борис Пастернак в «Докторе Живаго» говорит о Рождестве: «Что-то сдвинулось в мире. Кончился Рим, власть количества, оружием вмененная обязанность жить всей поголовностью, всем населением. Вожди и народы отошли в прошлое. Личность, проповедь свободы пришли им на смену. Отдельная человеческая жизнь стала Божьей повестью, наполнила своим содержанием пространство вселенной».

Во времена правления царя Ирода произошло событие изменившее мир. В мир явился Спаситель. В вифлеемском Храме Рождества Христова сохранилась пещера, Святой Вертеп, где родился младенец Христос. Первый храм на этом месте был построен в царствование Константина Великого по замыслу его матери Елены. Попасть в подземный храм можно только низко склонившись перед «вратами смирения».

Представь, чиркнув спичкой, ту полночь в пещере, огонь, очертанья животных, вещей ли, и – складкам смешать дав лицо с полотенцем – Марию, Иосифа, сверток с Младенцем. Представь трех царей, караванов движенье к пещере...

И.Бродский

Основное строение храма, дошедшее до наших дней, сохранилось со времен реконструкции при им-

ператоре Юстиниане. На фасадной части в мозаике запечатлены волхвы.

В Древней Руси волхвы – они же кудесники, маги, чародеи, звездочеты – приравнивались по значимости к правителям. Они проводили богослужебные обряды, предсказывали будущее. Считалось, что им подчинялись даже природные явления.

С Крещением Руси власть волхвов сошла на нет, а позднее их преследовали за колдовство.

В западноевропейской традиции в апокрифах их имена записаны как Каспар, Мельхиор, Бальтазар... В западной иконографии Каспара изображают в образе старца, Мельхиора – зрелого мужчины, Бальтазара – молодого человека. Каждый из дарителей был представителем определенной части света – Азии, Европы, Африки.

Если затронуть канонические Евангелия, интересен факт, что у св.Матфея речь идет о поклонении волхвов, а у св.Луки упомянуты пастухи. С X века в западноевропейской живописи у всех троих впервые появляются короны – в устный язык вошло выражение *Три царя* или *Три короля*. Православная церковь не принимает эту интерпретацию.

«Волхвы, те, что принесли дары младенцу в яслях, были, как известно, мудрые, удивительно мудрые люди. Они то и завели моду делать рождественские подарки... Из всех, кто подносит и принимает дары, истинно мудры лишь подобные им. Везде и всюду. Они и есть волхвы». (О'Генри. «Дары волхвов»)

Дары волхвов Младенцу Иисусу неслучайны. Каждый из них несет символическое значение: золото для будущего Царя Иудейского, ладан Сыну Божию, смир-

на, она же мирра, - Спасителю, которому предстоит отдать жизнь за род человеческий.

В канун Рождества в сочельник готовили кутью – другое название сочиво (отсюда и происхождение слова «сочельник»), и компот из чернослива – взвар. Угощения ставились в красном углу под иконами.

«Чудно блещет месяц! Трудно рассказать, как хорошо потолкаться в такую ночь между кучею хохочущих и поющих девушек и между парубками, готовыми на все шутки и выдумки, какие может только внушить весело смеющаяся ночь!» (Н.В. Гоголь. «Ночь перед Рождеством»)

Вслед за Рождеством наступает время святок, продолжающихся на протяжении двенадцати дней.

Главные христианские символы – Вифлеемская звезда – ее носят колядующие, и вертеп, где на свет появился младенец Иисус.

«Волсви же со звездю путешествуют...» поется в песнопении. Отсюда и пошло, что колядуют «со звездой». Еще в употребление вошли выражения *христославить, Рождество петь*. Ходят со звездой, творят милостыню, дарят подарки и доброе слово...

*Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали...*

В.Жуковский

Во второй сочельник в крещенский вечер принято было наполнять чашу водой. Верили, что в крещенскую

ночь вода сама колыхнется – это означало небеса разверзлись. Крещенская вода – особо целебная. И, кроме того, прегрешения в святочные вечера замаливались на Крещение Господне. Все те, кто увлекались ряженьем и гаданием на святках, должны были очиститься в проруби в виде креста – иордани.

Еще одно рождественское стихотворение Иосифа Бродского:

В холодную пору, в местности, привычной скорей к жару, / чем к холоду, к плоской поверхности более, чем

к горе, / младенец родился в пещере, чтоб мир спасти: / мело, как только в пустыне может зимой мести. / Ему все казалось огромным: грудь матери, желтый пар / из воловых ноздрей, волхвы – Балтазар, Гаспар, / Мельхиор; их подарки, втащенные сюда. / Он был всего лишь

точкой. И точкой была звезда. / Внимательно, не мигая, сквозь редкие облака, / на лежащего в яслях ребенка издалека, / из глубины Вселенной, с другого ее конца, / звезда смотрела в пещеру. И это был взгляд Отца.

В Старом Тбилиси есть два храма Бетлеми (Вифлеемская церковь) – Верхний и Нижний. Фундамент Верхней церкви по легенде заложен еще со времен Вахтанга Горгасала. В храме под алтарной частью есть небольшая пещера, в которой горит рождественская лампада.

В светлый праздник Рождества Христова совершается Крестный ход – Алилооба – древнейшая традиция в Грузии, отчасти сопоставимая с ряженьем на Руси. Торжественная процессия с хоругвями движется через весь город по направлению к Храму Святой Троицы. Облаченные в белые одежды, как ранее волхвы, пастухи, цари, участники Алилообы несут людям весть о Рождении Сына Божия.

Рождество – не просто время года. Это еще и ожидание чуда...

*Время льет полночную мглу
Плавно, словно мед по стеклу,
Открывая небо для нас
В свой назначенный час.
Время – твой извечный конвой,
Шаги судьбы за спиной,
Дыханье Бога с тобой
И со мной.*

Группа «Машина времени».
«Рождественская песня»

Алена ДЕНЯГА

▲ К.Сомов. Занавес московского «Свободного театра»

▲ Г.Тотибадзе. Котэ Марджанишвили

КАК СОХРАНИЛИ «ЛИЦО ТЕАТРА»

Это история о том, как в Тбилисском государственном музее театра, кино и хореографии оказались сведения о московском «Свободном театре» - история создания шедевра авангардного искусства и творческого триумфа грузинского режиссера в Москве. И начать ее следует с того, что в 1927 году 22-летний искусствовец Давид Арсенишвили основал в Тбилиси Театральный музей, первый на Кавказе, задавшись целью собрать все, что было связано с историей развития театра в Грузии.

В 1930 году молодой директор отправился в Москву для сбора материалов о творческой деятельности Константина Марджанова (Котэ Марджанишвили) в России.

Так в отделе рукописей грузинского музея оказались интереснейшие документы, в частности, договор, заключенный между грузинским режиссером и предводителем Калужской губернии миллионером Василием Суходольским. По договору Суходольский обязался арендовать в течение четырех лет «Щукинский Эрмитаж», а Марджанишвили – вложить в это дело свой опыт и знания.

Свершилась мечта режиссера о создании синтетического театра под названием «Свободный театр», обещавший ему свободу мышления и творческую независимость. Суходольского, кроме дополнительных денежных

поступлений, увлекала престижная репутация театрального мецената.

После заключения договора Константин Александрович приступил к реконструкции здания. С целью изучения современной театральной техники и дизайна он отправляется в Европу. К сожалению, в документах музея не указано имя архитектора внутреннего интерьера, но можно предположить, что художественное оформление осуществлялось при непосредственном участии самого режиссера-новатора, который был душой начинания и пригласил на работу в театр лучших художников, композиторов, режиссеров, актеров. Они должны были способствовать стремлению прогрессивного мыслителя и руководителя дать жизнь экспериментально-новаторскому театру, в котором опера чередовалась с пантомимой, драма – с опереттой; актеры представляли практически все жанры: пели, играли, танцевали, использовали пантомиму.

9 октября 1913 года первый русский авангардный театр открыл сезон оперой «Сорочинская ярмарка» М.Мусоргского (режиссер – И.Санин) в Москве, в Каретном ряду, в здании Щукинского театра, где начинал свою деятельность Московский Художественный. Премьер-

ный спектакль имел успех, все было детально продумано и выполнено с тончайшим вкусом.

Особый интерес вызывал сценический занавес – украшение любого театра, его лицо. Каждый художник старается при этом создать нечто небывалое, единственное в своем роде. Так, архитектор Осип Бове, проектируя интерьер Большого театра, мечтал разделить сцену и зрительный зал зеркальным занавесом.

Несмотря на то, что главным художником «Свободного театра» был Виктор Симов, знакомый Марджанишвили еще по Московскому Художественному, он заказал эскиз занавеса «Маскарад» Константину Сомову, художнику-стилизатору, члену творческого объединения художников «Мир искусства», одному из лучших представителей Серебряного века. Сомов выполнил заказ на темы итальянской комедии дель арте – комедии масок.

Театральный критик того времени Г.Крижицкий писал: «Сцену отделял от зрительного зала аппликационно вышитый по заказу К.Сомова занавес, изображавший пышное, радостное маскарадное празднество».

В августе Сомов писал сестре: «Целое утро и часть дня провел с Симовым у Сапожникова за выбором тканей. Выбор так богат, что я почти оцепенел от красоты тканей». В октябре, накануне премьеры, он же извещал

▲ Василий Суходольский

сестру: «Я вчера ездил смотреть занавес, который все считают удавшимся, а я нет. Оригинал красивее».

Однако зрители считали иначе, и после премьеры художник уже скромно сообщал сестре: «Вчера была премьера в Свободном театре. Вся Москва. Был успех... Меня качали в воздухе».

Занавес, созданный в начале прошлого века, уникален по своему художественно-историческому значению. Его праздничная, яркая цветовая гамма, ассоциирующаяся с музыкой, и сегодня вызывает восторг ценителей искусства на выставках.

То была эпоха (конец XIX – начало XX вв.) коренных изменений, когда в изобразительном искусстве и литературе развивалось новое направление – модернизм, известное в истории русской культуры, как Серебряный век. Начало ему было положено в Петербурге в 1898 году Александром Бенуа и Сергеем Дягилевым созданием «Мира искусства». Время значительного подъема театра и театрально-декоративного искусства, поиска контрастных решений, метафорной формы изображения, символизма, гротеска, эксцентрики. В этот период новаторских поисков К.Марджанишвили работал режиссером Московского Художественного театра, вызывая своими постановками огромный интерес московской общественности. В работах Константина Сомова режиссе-

ра привлекала условность изображенного театрального мира, гротеск с налетом грусти, застывшие кадры.

По замыслу Константина Александровича, сущность экспериментального театра отражается в самом названии занавеса. Маскарад – праздничное народное шествие. Эта идея помогала художнику прибегнуть к распространенному в начале века приему «театр в театре», и он изобразил мизансцену спектакля балаганного театра – встречу с легко узнаваемыми персонажами: Арлекин, Коломбина, Бригелла, Пьеро... Здесь же были размещены ангелы на облаках, Амур и Психея...

Михаил Кузмин, писатель, композитор и музыкальный критик, вспоминал о своем друге: «Несмотря на свое пристрастие к театральности и театру, К.А. Сомов почти ничего не сделал для сцены, если не считать занавеса, сшитого по его рисунку для московского «Свободного театра». Не думаю, чтобы отсутствие склонности к декоративной технике было тому причиной. Мне кажется, что Сомову, привыкшему на весь мир смотреть, как на театральную, почти кукольную игру, слишком конкретной и грубой, слишком материальной представляется практическая театральная работа. Имя К.А. Сомова известно всякому образованному человеку не только в России, но и во всем мире. Это – величина мировая».

«Свободный театр» просуществовал всего один год, на его сцене было поставлено пять спектаклей, но он оставил неизгладимый след в истории русского театрального искусства. Его верные служители стали ядром Камерного театра Александра Таирова. После закрытия «Свободного театра», из-за разногласия среди пайщиков, его занавес (7 x 11 м) остался у Суходольского, который только художнику за эскиз заплатил 15 тысяч рублей, не считая расходов на покупку материалов, оплаты за трехмесячную работу пяти десятков вышивальщиц.

В 1917 году занавес в числе прочего имущества мецената был национализирован.

В 1930 году после настоятельного требования Д.Арсенишвили Мосгорисполком принял постановление о передаче занавеса Театральному музею Грузии, и сегодня он хранится в фондах Государственного музея театра, музыки и хореографии, наряду с договором о создании «Свободного театра», списком актеров, репертуаром – волнующие свидетельства о творческом содружестве реформатора грузинского театра и русского художника, реализовавшего в шедевре яркий замысел.

Мери МАЦАБЕРИДЗЕ

Глава семейства был прорабом и целыми днями пропадал на стройках. В самом начале XX века в городе стремительно выросли за счет частного капитала новые красивые здания, украшая собой зеленые улицы и проспекты. Старый Тифлис стали даже называть маленьким Парижем.

В обеденный перерыв юный Вахтанг спешил принести отцу на работу нехитрую кавказскую снедь – еще теплый грузинский хлеб чурек, имеретинский сыр, кусок цыпленка-табака и, конечно, бутылку кахетинского вина. И надолго оставался на стройке. Вахтангу нравилось смотреть, как ловко клали каменщики кирпичи, как разводили в баке цементный раствор, как растет этаж за этажом... И как, ловко балансируя на высоте, рабочие пробегают по доскам, переброшенным от одной стенки к другой...

Подражая им, маленький Вахтанг тоже научился перебегать по этим зыбким мосточкам, повисшим высоко над землей... Но однажды доска под ногами мальчугана предательски зашаталась, накренилась, и он, потеряв равновесие, свалился с третьего этажа. Все бросились к ребенку, осторожно подняли на строительные носилки и отвезли в больницу, удивляясь, что мальчик не выказывает никаких признаков боли. Тщательное медицинское обследование не обнаружило ни одной травмы. Видимо, мальчугана спасло то, что он рухнул на груды строительного песка, и это сильно смягчило удар. После этого Вахтангу запретили ходить на работу к отцу, да и желание мальчугана стать строителем после того случая постепенно исчезло.

Неподалеку от дома Чабукиани жила одинокая пожилая женщина, бывшая балерина. Наблюдая, как маленький Вахтанг ловко ходит на руках, перепрыгивает через веревку, лазит по деревьям, любясь его ладной, упругой фигуркой, она стала советовать родителям отдать мальчика в балетное училище. Но непременно в ленинградское, ибо сама была из Питера. В конце концов, чтобы сынишке не испортила уличная шпана, отец отвез его в Ленинград, где Вахтанга тут же приняли в знаменитое хореографическое училище. Он стал любимым учеником прославленной Вагановой. По окончании училища его сразу зачислили в балетную труппу Кировского (ныне Мариинского) театра. Сценическая карьера Вахтанга Ча-

▼ Вахтанг Чабукиани

ПРЫЖОК ВАХТАНГА ЧАБУКИАНИ

...Теперь это имя помнят уже немногие, пожалуй, лишь люди искусства и балетоманы. В артистических кругах о нем говорили как о танцоре-легенде, эталоне исполнения героических персонажей в классических балетах и как о талантливом хореографе. До сих пор те, кто видел Вахтанга Чабукиани на сцене, восторженно вспоминают его феноменальные прыжки, когда он, взметнувшись ввысь, на мгновение словно застывал, парил в воздухе. А начиналось все в детстве, с необычного прыжка, едва не стоившего ему жизни.

Грузинская семья Чабукиани, с какой-то примесью то ли немецкой, то ли шведской крови, жила в Тбилиси.

букиани была стремительной. Через короткое время он уже выступал в ведущих партиях балетных спектаклей. Его постоянной партнершей стала завоевывающая все большую популярность балерина Вечеслова.

Но откуда я, человек, далекий от этого вида искусства, знаю и многое помню о Вахтанге Чабукиани? Все очень просто. Моя мама дружила с его старшей сестрой в Тбилиси. А та по пути на знаменитый рынок Дезертирка (так называли его с тех пор, как там после Первой мировой войны стали торговать солдаты-дезертиры) часто заживала к нам посудачить. И конечно, главной темой всегда были новости из Ленинграда, о ее любимом брате Вахтанге. Однажды она с гордостью принесла нам роскошно изданный в США фотоальбом, посвященный гастролям балетной труппы Кировского театра в Америке, еще в середине 30-х годов, и кипу рецензий из тамошних газет, переведенных на русский. Американские критики единодушно называли Чабукиани великим и несравненным танцовщиком, фигурой мирового значения в балете. С ним встречался даже сам Баланчин, лучший хореограф Америки, сын известного грузинского композитора Мелитона Баланчивадзе.

Чабукиани был уже ведущим солистом балета Кировского театра, когда началась Отечественная война, роковым образом отразившаяся на его дальнейшей творческой судьбе. Вся труппа Кировского театра была эвакуирована еще до того, как Ленинград оказался в железных

▲ Встреча друзей

тисках блокады. Не помню точно, куда их отправили – то ли в Новосибирск, то ли в Пермь. Но Чабукиани переманили в Тбилиси. Руководство Грузии уговорило его переехать на родину, возглавить балетную труппу Тбилисского оперного театра имени Захария Палиашвили. Звали Вахтанга в Грузию и его родные. И он согласился. Однако балетная труппа в Тбилиси, в отличие от оперной, была очень слабой, и достойной партнерши у него здесь долго не было. Чабукиани начал создавать грузинский балет заново, растить солистов с раннего возраста, стал больше педагогом и хореографом. Вот только выступать самому ему удавалось на сцене, к сожалению, не часто.

Но постепенно, уже после войны, балетная труппа в Тбилисской опере выросла, окрепла. Прекрасной балериной стала и родная младшая сестра Вахтанга – Тамара Чабукиани, впоследствии заслуженная артистка Грузии. Иногда Вахтанга приглашали на гастроли по Союзу, поручали постановки балетных спектаклей в разных театрах страны. Но старшая сестра его, та, что была приятельницей моей мамы, признавалась:

- Скучает Вахтанг по своему театру в Ленинграде... Уехал бы, но там теперь главный солист – его прошлый конкурент Сергеев. Да и молодость уже уходит... Балет – дело молодое...

Однажды большое несчастье обрушилось на семейство Чабукиани. Погибла любимая племянница Вахтанга,

Вахтанг Чабукиани и Вера Цигнадзе

дочь другой его сестры. Погибшая была совсем молодой, подающей большие надежды танцовщицей, прошедшей замечательную школу у своего дяди.

В конце 50-х или в начале 60-х годов грузинский балет был приглашен на гастроли в Японию. И племянница Вахтанга выступала в составе этой труппы в Токио. А вскоре после возвращения в Тбилиси ее нашли мертвой возле строящегося нового многоэтажного дома. Экспертиза показала, что девушку сбросили с самого верхнего этажа.

Не только мать погибшей, но и любивший свою племянницу, как родную дочь, Вахтанг были убиты горем. Чабукиани обращался к самому высокому начальству в Тбилиси, просил, требовал найти и покарать убийц. Но, видимо, в этом загадочном преступлении, связанном с наркотиками, были замешаны весьма влиятельные персоны, и клубок преступления так и не был распутан. Очевидно, девушку шантажировали неведомые грузинские мафиози, которые заставили ее с огромным риском привезти из Японии наркоту. Потом, очевидно, испугавшись, что она может сболтнуть лишнее и тем самым наведет на их след, они решили от нее избавиться.

Эта трагическая история сильно испортила отношения Вахтанга с местными властями, которые танцор открыто обвинял в бездействии. И местные руководители решили приструнить его. Повод найти было легко. На некие обстоятельства личной жизни Чабукиани они раньше просто закрывали глаза. Слишком велика была популярность знаменитого артиста, он являлся гордостью Грузии. А тут власти ухватились за то, что нынче принято корректно называть «нетрадиционной сексуальной ориентацией». Это психофизическое отклонение в годы советской власти жестоко каралось, уголовно преследовалось. И когда решили свести счеты с Чабукиани, то быстро состряпали дело по соответствующей статье Уголовного кодекса. При этом намекнули: лучше уезжай!

И Чабукиани переехал на Украину, где несколько лет успешно выступал в Киевском театре оперы и балета, ставил там спектакли. Однако годы брали свое. И Вахтанг Михайлович вернулся в родной город. Он жил очень замкнуто, уединенно, иногда консультируя какие-то постановки. Так и подошел к своему жизненному финалу. И его уход из жизни, кажется, почти не заметили...

Квартира Чабукиани находилась в доме на Плехановском проспекте, в доме, построенном на месте разрушенной после войны немецкой лютеранской церкви. И старшая сестра Вахтанга, истовая лютеранка, считала, что все неудачи и беды ее любимого брата – оттого что дом этот проклят Богом...

Борис ДОБРОДЕЕВ
Из книги «Мы едем в Болшево.
Путешествие в минувшее»

▲ Тамар Абуладзе

ПРИЗВАНИЕ

Все знают – театр начинается с вешалки. Но, представьте себя маленьким ребенком, да еще и в Новый год. С чего тогда начинается театр? В Новый год театр начинается с чудес. А чудеса начинаются с новогодней елки.

В этом году к оформлению театральных фойе в Грибоедовском театре подошли по-особенному творчески. Молодые художницы Тамар Абуладзе, Саломе Никвашили и Нини Прангшвили взялись за сложную задачу – создание волшебной атмосферы. Подошли к делу ответственно, работали за полночь – и результат налицо.

В день премьеры Большое фойе сверкает – в центре стоит красавица-елка, украшенная красными и золотистыми игрушками. Под елкой – как и полагается, коробки с подарками. А лестницы увиты еловыми ветками и игрушечными венками. Как только маленькие зрители переступают порог театра, они попадают в сказку – музыка, свет и новогоднее настроение повсюду. Пустые стекла преобразились благодаря декоративным елкам и сне-

жинкам, вырезанным из картона. А нарядная иллюминация поставила точку в этом преображении.

Больше всех перед новогодней премьерой волновалась именно вдохновительница и создательница этой красоты – Тамар Абуладзе. А когда увидела, как детишки радуются, подбегают к елке и требуют себя сфотографировать – поняла, что все сделали правильно.

«Многие из ребят приходят в театр впервые. Поэтому мы хотели, чтобы они попали в другой мир, в другое измерение. Ведь от того, какая обстановка, какое настроение их встретит, зависит – полюбят ли они театр. А это очень ответственно для меня. Я до сих пор помню свое собственное первое детское впечатление от посещения кукольного театра», - говорит она.

Это не первая работа Тамары для Грибоедовского театра – несколько лет назад она придумала дизайн для упаковки подарков, которые зрители традиционно получают в новогодние праздники.

В свете театральной премьеры, спрашиваю, не хотела бы она заняться сценографией и созданием костюмов

для спектакля.

«Костюм очень важен, от него многое зависит. Я думаю, все-таки эпоха должна соответствовать. Не стоит все огульно осовременивать. Мне очень интересно было бы поработать над костюмами и декорациями, но не сейчас. Я пока не готова к этому, мне нужен опыт, театр ведь требует особого подхода».

Вообще, тривиальная фраза о том, что талантливый человек талантлив во всем, в данном случае работает на все сто. Тамуна Абуладзе – и архитектор, и художница, и ювелир, и дизайнер, и модный блоггер.

Можно сказать, что она – архитектор во втором поколении. Ее дядя и тетя, Лери Гошадзе и Медея Абуладзе – известные архитекторы. «Бывая у них дома, я видела макеты разных зданий, которые мне очень нравились с детства, и я захотела поступать на архитектурный. Мне и самой всегда нравилось делать макеты, что-то придумывать».

Реальных проектов у Тамуны пока нет, поскольку она только оканчивает Тбилисскую Академию художеств. Больше всего любит работать над проектированием фасадов.

Еще одна ее страсть – живопись. Больше всего Тамуна любит рисовать акварелью. Говорит, здесь нужно хорошо знать технику, нужно соблюдать меру, потому что одна лишняя капля воды может изменить цвет, а значит, и весь рисунок. А вот графикой занялась после поступления в Академию художеств. Сейчас, вместе с другими своими умениями она разрабатывает батиком одежду и изготавливает бижутерию и аксессуары.

Рисованием Тамуна занималась с детства, принимала участие в различных выставках. Первая персональная выставка-продажа Тамуны прошла в 2009 году, в григолетской гостинице «Андамати», на берегу Черного моря, в рамках Третьего международного русско-грузинского поэтического фестиваля «В поисках Золотого руна». А вторая – в ноябре 2012 года, в тбилисской галерее «Шарден».

Здесь, в галерее «Шарден» Тамуна, еще будучи школьницей, обучалась работе по эмали. Именно это старинное и трудное ремесло принесло ей известность.

«Перегородчатая эмаль – исконная грузинская техника, насчитывающая не одно столетие. Она очень сложная, требует внимания, усилий и кропотливого труда. Изделия из эмали всегда выделяются и выглядят необычно. Мне захотелось научиться этому ремеслу. Это было еще до поступления в Академию художеств. Для меня самое интересное – работа над перегородками. Это наиболее кропотливая часть работы, но именно она делает изделие неповторимым. Процесс рождения кулонов, сережек, браслетов и колец начинается с покупки уже отлитой формы с перегородками. Как известно, серебро поддается непросто, оно плавится при температуре около тысячи

градусов, поэтому мы заказываем серебряные формы в специальной мастерской. Можно заказать форму по своему эскизу. Затем начинается главное – заполнение формы эмалью. Я работаю только на серебре. Золото обходится слишком дорого, и продать изделие бывает сложно», - рассказывает Тамуна.

Характер украшения зависит от многого – цветов, которые используются, формы, и разумеется, от настроения Тамуны, в котором она приступает к той или иной работе. Чаще всего Тамуна использует в своих изделиях темно-красный, золотистый и яркий, так называемый «радостный зеленый». Ей удается сочетать минимализм с изящностью, сдержанность красок с яркостью, получая в результате невесомые украшения, которые подойдут любой женщине.

На ее счету около 200 работ по эмали. Тамуна вспоминает, что дольше всего – целых две недели – у нее ушло на заказ для регионального фестиваля «Рача – любовь моя». Эскиз украшения принадлежал художнику Залико Сулакаури. Он был в форме ключа, на котором помещалось сердечко и флаг Грузии, а внутри флага было написано «Рача». Тамуна изготовила двадцать одинаковых наград и считает эту работу самой ответственной.

Тамуна Абуладзе закончила архитектурный факультет Тбилисской государственной Академии художеств им. А.Кутателадзе, а сейчас – защищает диплом в магистратуре по специальности «Цвет и освещение в архитектуре». Темой диплома выбрала театр. В будущем хочет продолжить учебу в докторантуре в Италии, поскольку итальянская архитектурная школа ей ближе всего.

С сожалением говорит, что грузинская архитектурная школа, всегда отличавшаяся своей смелостью и оригинальностью, сегодня не востребована так, как раньше. Существуют частные архитектурные бюро, работающие на маленькие заказы, в основном интерьеры. Но для больших градостроительных проектов принято приглашать зарубежных архитекторов. А это неправильно, потому что они не знают нашей специфики.

Еще одна злободневная тема – застройка Старого Тбилиси. Как профессионал, Тамуна считает, что современные здания нужны, но не в Старом городе.

«На мой взгляд, построенные в Старом Тбилиси современные здания уместны где-нибудь в пригородном районе столицы. Не бывает плохой архитектуры, бывает неудачное место для того или иного здания. Нужно сохранять историческую часть города, умеренно добавляя современные штрихи. Старые города по всему миру тем и прекрасны, что они неповторимы, уникальны, такого нет больше нигде. А современные постройки есть везде».

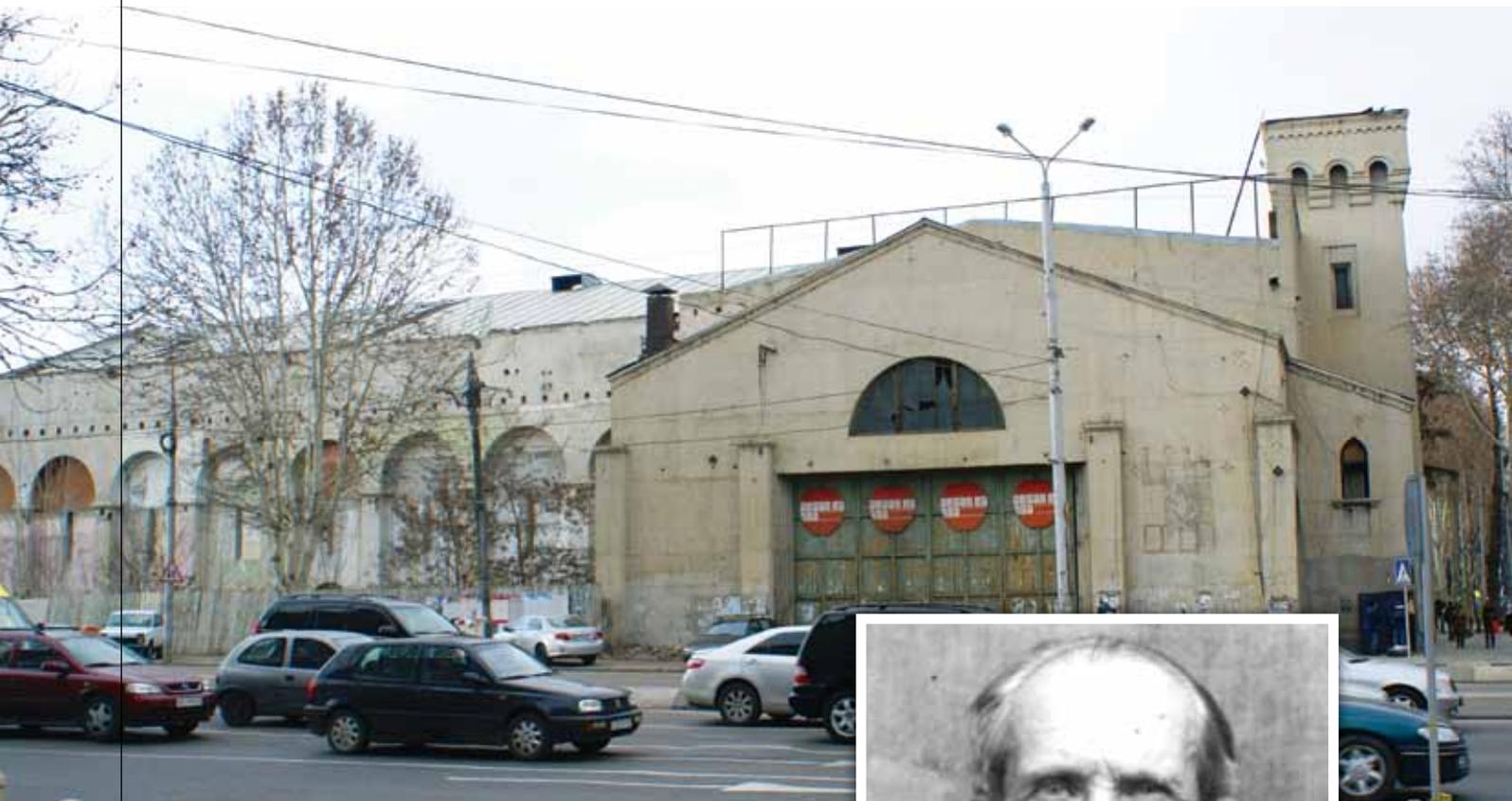
Интересуется модой. Планирует в будущем заняться дизайном одежды. А сейчас она ведет блог о моде GagCloud, которым интересуются многие специалисты в Европе.

«Грузинская мода в последние годы сравнительно усовершенствовалась. Огромную роль в этом сыграли Недели высокой моды, проводимые в Тбилиси дважды в год. И хотя нам еще далеко до высоких мировых стандартов, первые шаги в этом направлении сделаны», - считает Тамуна.

Несмотря на свои 24, у нее уже есть своя студия. В Tamar Abuladze Studio любой желающий от 15 лет и старше может научиться рисовать и работать с эмалью. Тамуна старается продвигать свой бренд, и небезуспешно. Фотографии ее изделий из эмали давно печатают модные глянцевого журналы.

Ее призвание – создавать форму – от новогодних упаковок до зданий и от драгоценностей до пейзажей. Удивительно, откуда в этой хрупкой молодой девушке столько целеустремленности! Впрочем, трудности Тамуну не пугают, а значит – впереди еще много интересных свершений.

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

▲ Здание киностудии

ЗОДЧИЙ С БЕРЕГОВ НЕВЫ

▲ Константин Леонтьев

Почти во всех публикациях, посвященных истории новой грузинской архитектуры, в частности, 1920-1930 годов, периода ее становления, упоминается архитектор К.Леонтьев, как один из авторов комплекса Земо-Авчальской ГЭС (ЗАГЭС), автор здания туберкулезного диспансера в Тбилиси.

Однако, до последнего времени о нем больше ничего не было известно, ни о творческой деятельности, ни биографических данных, включая имя и отчество. Это обстоятельство занимало меня довольно долгое время. Создавалось впечатление, что его пребывание в Грузии носило временный, как бы эпизодический характер. Но года два тому назад, работая в Центральном историческом архиве Грузии, я обнаружил материалы начала 1910-х годов, в которых упоминался К.А. Леонтьев, сверхштатный техник строительного отделения Тифлисской губернии. Из этого следовало, что он, по крайней мере, уже два десятка лет находился в Грузии. И это уже нельзя было считать «эпизодом», и послужило дополнительным стимулом для продолжения поисков. Я еще раз постарался «проверить» архивы или учреждения, в которых могли находиться интересующие меня материалы. Поиски были продолжены и за рубежом (Германия, Россия). В результате удалось «добыть» сведения, скупые, но дающие возможность получить представление о характере его творчества, ознакомиться с биографией архитектора. Полученные

сведения, в частности, перечень его проектных работ позволили выявить в застройке Тбилиси сохранившиеся его здания, а также обнаружить часть выполненных им проектов, ныне находящихся в Центральном историческом архиве Грузии.

Константин Александрович Леонтьев родился в 1878 году в Санкт-Петербурге в семье дворянина и крестьянки, как сказано в личном листке члена Союза архитекторов, заполненной им в 1946 году. В Союз К.А. Леонтьев вступил в 1935 году.

В 1898 году он окончил гимназию в Санкт-Петербурге и там же поступил в Институт гражданских инженеров, который окончил в 1904 году. В ближайшие годы он публикует несколько статей в популярных в то время архитектурных журналах «Строитель» и «Зодчий». В них проявляется позиция автора, его взгляды на различные аспекты архитектуры. Это – рецензия «Петербургский вокзал Московско-Виндава-Рыбинской железной дороги» (автор проекта академик архитектуры С.А. Бржозовский). Вторую статью «Заметки о японской архитектуре» он начинает словами: «Многие считают достойными изучения архитектурные произведения народов только известной части земного шара, а некоторые даже вовсе отрицают всякое архитектурное искусство у народа, если о нем не упоминается в европейской истории искусства». Наряду с этим, «если произведение не подходит ни под

один из известных образцов «высокой архитектуры», то это считается признаком того, что рассматриваемое произведение недостойно изучения... Следовало бы в таких случаях всегда прежде всего ставить другой вопрос: соответствует ли такая то вещь, народному духу, нравам, климату, природе той страны, которая ее произвела. Если все это удовлетворительно и, кроме того, удовлетворена и художественная сторона, то данная вещь должна быть признана истинным произведением искусства... Японская архитектура находится именно в таком положении. Если на нее смотреть с «классической точки» зрения, она подчас приводит в смущение; если же вспомнить что она служит выражением потребностей и привычек обитателей Ниппона, то она сразу станет понятна и мы найдем в ней все признаки талантливого произведения».

«Существуют, - считает он, - три архитектурных достоинства: конструктивность, оригинальность и соответствие с окружающей природой. Про японскую архитектуру можно сказать, что она самым естественным образом служит различным потребностям, великолепно гармонирует с японским пейзажем, служа ему прекрасным дополнением, и в высшей степени оригинальна. Чего же больше?»

Вопросы, поднятые Константином Александровичем, носят общий характер и в равной степени относятся и к архитектуре других народов. Статья «Развалины города Ани» посвящена археологическим раскопкам древней столицы Армении – Ани, которые начались в 1892 году под руководством академика Н.Марра. Она опубликована в двух номерах журнала «Зодчий» (1905) и снабжена

▲ Плотина ЗАГЭСа

большим количеством иллюстраций. Это обмерные планы церквей и других сооружений, зарисовки, в том числе архитектурных деталей, надписей, которые подписаны архитектором в виде монограммы «КЛ», а также фотографии (возможно, что они сняты К.Леонтьевым). При написании статьи им был основательно проштудирован весь научный материал самих раскопок, истории города Ани, включая и вопросы, связанные со средневековой архитектурой и историей как Армении, так и Грузии. Тем не менее, и здесь он фиксирует свое отношение по целому ряду вопросов.

После окончания института К.Леонтьев служит помощником (надо полагать начальника) карсской войсковой строительной комиссии по постройке казарм и церкви. Но в Карсе он пробыл недолго, в том же 1904 году его назначают городским архитектором Александрополя (Ленинкан, Гюмри, Армения). На этой должности он пробыл с июля 1904 года по июль 1907 года. В 1907-1908 гг. преподаватель рисования в женской гимназии Александрополя. В 1908-м начинает работать в Тбилиси, где и

протекала вся его дальнейшая творческая деятельность. С 1924-го работал в проектных организациях Тбилиси, в частности, заведовал архитектурной группой Грузгоспроекта. Перейдя на пенсию с 1941 года выполнял графические работы для Института истории Академии наук Грузинской ССР.

К.Леонтьев – автор или соавтор большого количества проектов, которые отличаются высоким профессионализмом. Проекты, как и сохранившиеся постройки 1904-1915 гг., выполнены в стиле модерн. В 1920-1930-х годах зодчий использовал принципы и приемы конструктивизма. К этому же периоду относятся и попытки использования им элементов и форм грузинской национальной архитектуры. В ряде его зданий прослеживается стремление приспособить к конструктивистской схеме ее мотивы и тем самым придать сооружению местный колорит.

Параллельно с проектной деятельностью К.Леонтьев занимался и строительством в Тбилиси различных зданий и сооружений – жилой комплекс для рабочих-трамвайщиков (пр. Д.Агмашенебели, 1926-1927 гг.); туберкулезный диспансер (ул.Меликишвили, 1926-1927 гг.); ателье и правление Госкинпрома Грузии, копировальная фабрика, склад лент (пр. Д.Агмашенебели, те же годы). К.Леонтьев принимал участие и в архитектурных конкурсах на разработку проектов на здания туберкулезного диспансера в Тбилиси, ул. Меликишвили, 1927; редакции газеты «Заря Востока» в Тбилиси, 1927 (совместно с архитектором Д.Числиевым); жилого дома в Тбилиси, на перекрестке ул.Ленина (ныне Костава) и ул.Меликишвили, 1927; жилого дома «пищевиков».

Среди его осуществленных проектов следует отметить три жилых дома в г.Александрополе, 1904-07; в Тбилиси театр «Русского клуба», пр.Агмашенебели, 123, 1908 – 1915 гг.; жилые дома – ул.Гогебашвили, 11, 1911-13 гг.; ул. Эристави-Хоштариа, 36, 1914 гг.; ул.Макашвили, 18, 1915 гг.; ул.Макашвили, 22, 1908-15 гг.; коттедж для рабочих чайной фабрики, пос.Чаква, 1915-18 гг.; деревянный жилой дом управляющего Чаквинским имением, 1915-18 гг.; двухквартирный коттедж в ЗАГЭС, 1924 гг.; комплекс Земо-Авчальской гидроэлектростанции (ЗАГЭС), 1927, (в составе авторской группы – архитекторы А.Кальгин и М.Мачавариани) и др.

В качестве помощника автора им выполнены проекты оформления гидростанции «Абаша» (автор проекта А.Кальгин, 1925 г.); павильонов табачной фабрики для выставки в Лондоне (автор проекта А.Кальгин, 1925 г.); ватной фабрики (Тбилиси, автор проекта Д.Числиев, 1926 г.).

Знакомство с творческой деятельностью К.Леонтьева, в частности, с его тбилискими постройками, позволяет отметить следующее. Во-первых, стремление придать индивидуальность или оригинальность своим постройкам. Все здания по его проектам, несмотря на общность стиля, отличаются своим внешним обликом от других зданий, построенных в тот же период, решением отдельных архитектурных элементов и деталей. Например, барельефы на античную тему на фасаде дома по ул.Макашвили, 22 или же детали оформления уличного балкона, представляющие собой импровизированные метопы, а также дворовых железных ворот дома по ул.Хоштариа-Эристави, 36. В старой застройке Тбилиси сохранилось множество таких ворот, разнообразных по своему художественному решению, но и тут Леонтьев старается внести что-то свое. К примеру, дома по ул.Макашвили, 18 и ул.Гогебашвили, 11. Гармоничное взаимоотношение проемов со свободной плоскостью стены ассоциируются с известными приемами древнегрузинского зодчества. Проектируя дома, он учитывал тбилисскую специфику не только при функциональной планировке жилых домов, но и с градостроительной точки зрения. Например, дом по улице Макашвили, 18, представляющий собой дом с характерным тбилиским т.н. открытым типом двора. Используя формы и элементы национальной архитектуры в совре-

менном строительстве, зодчий обстоятельно знакомится со средневековым опытом. Об этом говорят сохранившиеся постройки. Одним из самых интересных сооружений первого этапа новой грузинской архитектуры стал комплекс ЗАГЭС, в художественном решении которого использованы традиционные формы архитектуры (карниз, башни, линии стрельчатых окон, арочные проемы). Авторы удачно использовали рельеф местности.

Для жилых домов в основном были разработаны

тается внешне придать зданию «грузинский облик». Этот прием использован им как при решении фасадов, так и в интерьере.

В 1930 году была построена и здание киностудии, которое представляло собой киноателье, к которому примыкали подсобные помещения. Автором проекта 1927 года является архитектор М.Бузогли. Кроме известных форм и мотивов исторической архитектуры, которые обычно использовали архитекторы в то время, здесь использованы и такие как сванская башня и даже зубчатый парапет крепостной стены феодальной эпохи. К.Леонтьеву, принадлежит наружное оформление ателье Госкинпрома. Сравнение проекта с осуществленным зданием указывает на некоторые различия между ними. К примеру, уже отсутствует мотив крепостной стены, а также глухая стена первого этажа. Можно предположить, что эти изменения внесены в архитектуру фасадов киностудии К.Леонтьевым. Несмотря на критику фасада этого здания, в частности, по поводу механического переноса исторических форм, оно остается одним из наиболее значительных сооружений тех лет.

Примером сочетания элементов конструктивизма и национальной архитектуры, как «примирения» двух направлений, может служить здание копировальной фабрики Госкинпрома, построенное в 1930 году.

В 1926 году был объявлен конкурс на проект здания редакции газеты «Заря Востока». Первоначальный проект был разработан архитектором Д.Числиевым; здание

▲ Дом на улице Гогобашвили, 11

два типа: коттеджи для администрации и для рабочих и служащих. Леонтьев – автор второго типа домов, представляющего собой одноэтажный коттедж с 2-х и 3-х комнатными квартирами (1924). Использованные в нем арочные лоджии, прямоугольные окна, объединенные единой настенной аркой, стены с треугольными фронтонами связаны с традицией грузинской архитектуры. Комплекс дал целый ряд отдельных элементов, к которым в дальнейшем очень часто прибегали архитекторы для придания зданию «грузинского колорита».

Тубдиспансер был построен в 1927-1930 годах. Главное внимание уделено фасаду, который обращен к улице Меликишвили. Используя характерные для грузинской исторической архитектуры орнаментированные капители, аркаду и другие элементы, включая уже известные нам стрельчатые завершения проемов, К.Леонтьев пы-

по своему архитектурному решению представляло собой образец эклектизма (при разработке фасадов были использованы элементы архитектуры конца XIX – начала XX вв.).

В 1927 году К.Леонтьев принимал участие в конкурсе (надо полагать, повторном) здания редакции газеты «Заря Востока» совместно с Д.Числиевым. Решения и результаты конкурса 1927 года нам неизвестны, хотя постройка этого здания началась в том же году и была осуществлена по проекту, отличному от варианта предыдущего года, а именно в стиле конструктивизма. Композиция здания ассиметричная, в башенной части (на верхнем этаже) появились уже известные нам стрельчатые оконные проемы.

Особое место в творчестве архитектора занимает ин-

лось выявить, обследовать и уточнить сведения только о тех из его построек, которые находились в Тбилиси. Провести подобную работу не только в ближнем зарубежье, но и в Грузии, по прошествии времени очень сложно. И если раньше К.Леонтьев воспринимался как архитектор-исполнитель, то знакомство с его творчеством убеждает в том, что это был творчески мыслящий архитектор.

Еще одно необходимое дополнение. Комплекс ЗАГЭС, имеет статус памятника архитектуры. Но мне ста-

дивидуальный жилой дом по ул.Гогебашвили, 11. Дом такого типа предоставляет архитектору возможность раскрыть и реализовать свои архитектурно-художественные принципы и концепции, особенно, если мы имеем дело с собственными домами. Есть основания предполагать, что дом принадлежал К.Леонтьеву. В доме, который был построен в начале 1910-х годов, он жил несколько лет, имел телефон, (что в то время было неординарным явлением). Дом двухэтажный, по планировочному решению рассчитан для проживания одной семьи (оба этажа соединены внутренней лестницей). Архитектура дома своеобразна и оригинальна, как и озеленение дворового участка. Несомненно, это один из самых интересных тбилисских домов такого типа. Почему Леонтьев покинул этот дом, и в 1916 году переехал в другой, построенный по его же проекту на ул.Макашвили, 18, неизвестно. На этом этапе нам уда-

ло известно, что еще три его здания являются таковыми. Статус был присвоен, не зная автора. Это жилые дома по ул.Макашвили, 18, 22 и ул.Гогебашвили, 11. Необходимая документация на присвоения статуса памятника была послана еще на два здания, одним из которых является здание бывшего тубдиспансера (в настоящее время здесь находится Институт истории, археологии и этнографии), а другое – дом здравотдела (ул. К.Абхази,4), автором которого возможно он является.

Архитектор скончался в Тбилиси в 1951 году. По нашему мнению, Константин Леонтьев внес значительный вклад в развитие грузинской архитектуры.

Тамаз ГЕРСАМИЯ

ГОРА СВЯТАЯ ПРИНЯЛА ЕГО

НА 93-м ГОДУ ЖИЗНИ СКОНЧАЛСЯ ВЫДАЮЩИЙСЯ ГРУЗИНСКИЙ ПИСАТЕЛЬ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ ЧАБУА АМИРЭДЖИБИ, АВТОР РОМАНОВ «ДАТА ТУТАШХИА», «ГОРА МБОРГАЛИ», «ГЕОРГИЙ БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ», МНОЖЕСТВА РАССКАЗОВ, ЛАУРЕАТ ТАКИХ ПРЕМИЙ, КАК ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРЕМИЯ ГРУЗИИ, ПРЕМИЯ РУСТАВЕЛИ, ТРИЖДЫ НОМИНАНТ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ, ЧЛЕН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ И СОЮЗА КИНЕМАТОГРАФИСТОВ ГРУЗИИ, КАВАЛЕР ОРДЕНОВ ВАХТАНГА ГОРГАСАЛИ I СТЕПЕНИ, СВЯТОГО ГЕОРГИЯ И ЧЕСТИ.

Его имя было связано с легендами. Я, сын репрессированной семьи, с отрочества слышал о заключенном Амирэджиби. «Склонный к побегам» заключенный, побывавший в различных лагерях одинаковой дьявольской системы, Чабуа Амирэджиби вышел на свободу в 1959 году, вернулся на родину и начал жизнь сначала.

Мой отец, педиатр Давид Квитаишвили, тоже прошедший ад лагерных лет, познакомился там с человеком неординарного мышления и внешности, профессором Александром Папава, который послужил одним из прототипов Даты Туташхиа.

Вместе с Ревазом Тварадзе, который, как и я, был сыном зэка, впоследствии знакомом творчества Чабуа, всегда присутствовали на дружеских собраниях бывших заключенных, и тамадой тех незабываемых застолий был неизменно дядя Саша. Тогда собиралось до

ста человек, ныне осталось лишь двое-трое.

Первая же книга Чабуа Амирэджиби, небольшой сборник рассказов, привлекла к себе внимание читателя, но я тогда же думал, что человек такого размаха не остановится на этих рассказах. И правда, годы спустя, Чабуа принес в редакцию журнала «Цискари», который редактировал тогда Джансуг Чарквиани, свой роман «Дата Туташхиа». Роман всех нас потряс. Я в тот период заведовал отделом прозы и был в полном замешательстве. Только лишь эпизодов с Архипо Сетури хватило бы для того, чтобы главлит не допустил публикации этого произведения и что еще за этим последовало бы – Бог весть. Но Джансуг всех нас успокоил. Он сказал: «Этот роман я заранее дал на прочтение первому секретарю ЦК Эдуарду Шеварднадзе, он обещал полную поддержку».

Сейчас я не стану говорить о том, какой резонанс

вызвала журнальная публикация «Даты Туташиа», потом выход романа отдельной книгой, ни о фантастическом успехе многосерийного кинофильма режиссера Гиги Лорткипанидзе и Гизо Габескириа, или о переводах этой книги на различные языки мира. За «Датой Туташиа» с определенными интервалами последовали «Гора Мборгали» и «Георгий Блистательный». Все три романа являются значительнейшими приобретениями грузинской литературы.

Неоспоримым признанием большого таланта писателя является тот факт, что он трижды был номинантом Нобелевской премии. Известный шведский поэт, переводчик «Дата Туташиа» и «Гора Мборгали» на шведский язык Ханс Бьеркерген сказал Чабуа: «Батон Чабуа, это означает, что вы – лауреат, но только не получили денег».

В ссылке он познакомился с автором знаменитого романа «Факультет ненужных вещей», писателем, обладавшим колоссальными знаниями, отбывавшим совершенно незаслуженно и несправедливо присужденный ему срок, тяжело больным Юрием Домбровским (1909-1978). На его похоронах Чабуа произнес пламенную речь.

Писателя связывала дружба с Беллой Ахмадулиной и ее мужем Борисом Мессерером, Евгением Евтушенко, Юрием Анохиным, Марленом Коралловым, Юрием Ростом и др. Огромное множество людей в Грузии и за ее пределами были ценителями и почитателями его таланта, и многих опечалила весть о его кончине.

Аристократ по рождению и по воспитанию, он всегда стоял на страже высокой нравственности. Два главнейших чувства присущи были ему – любовь к людям

▲ С меценатом Бидзиной Иванишвили

и – если так складывалось – сострадание, сопричастие. Он всегда делал добро, умел стать плечом к плечу в трудной ситуации, считая это своим долгом.

Внушает огромное уважение и благодарность супруге Чабуа Амирэджиби, талантливая поэтесса Тамар Джавахишвили, которая все сделала, не щадя себя, чтобы продлить жизнь любимого человека.

Кроме прозаических произведений, Чабуа опубликовал множество значительных и интересных публицистических статей.

Автор «Даты Туташиа» с глубоким почтением относился к главе Грузинской Православной Церкви,

Святейшему и Блаженнейшему Илие Второму, а также к экс-премьер-министру Бидзине Иванишвили за его неординарную деятельность во благо Грузии.

Духу Чабуа Амирэджиби не суждено угаснуть, и грузинский народ никогда не забудет, что благословенная земля Мтацминды хранит облаченного в монашеское одеяние монаха Давида – Чабуа Амирэджиби.

Журналу «Русский клуб», который всегда уделял особое внимание Чабуа Амирэджиби, выпала печальная миссия – в первом новогоднем номере 2014 года сообщить многочисленным читателям различных стран о кончине большого писателя и гражданина.

Не раз было сказано: вечная жизнь истинного творца начинается после его смерти. И мы, современники Чабуа, глубоко верим: чем больше времени пройдет, тем ярче будет сиять ореол вокруг его имени.

Эмзар КВИТАИШВИЛИ
поэт, доктор филологии

Чабуа... Чабук... Мзэчабуки. Солнечный. Юноша – навсегда. На все времена. Рыцарь грузинской прозы – литературы – Грузии рыцарь. Благородный и великодушный. Человек огромной силы духа, смелости – ума. Трижды бежавший из северных советских лагерей – а что за этими словами? Одолевший страшный недуг, не выпуская из рук пера. Невероятная работа сердца и головы. И какая гармония – прекрасный внешне и внутренне. Помню: то ли в 61-м, то ли в 62-м году перед дверью в издательство «Заря Востока» я увидела молодого человека – и поразила: лицо, осанка античного бога. «Кто это?» - спросила я. «Чабуа Амирэджиби». Сколько воды утекло с тех пор в Куре! Потом, потом протянулись ниточки дружбы. Потом – радость работы над переводом твоей прозы. Эта проза сделает честь самой большой литературе мира. Бог одарил Чабуа Амирэджиби ярким талантом, и Бог послал ему достойную супругу. Низкий поклон тебе, Тамрико, за то, что ты так самоотверженно, так неустанно, так трепетно делала для него все – что могла и не могла.

Ты прожил долгую напряженную жизнь. Но что есть человеческий век, пусть даже очень долгий! Двадцатый век пролетел стремительно. Двадцать первый уже мчится с непостижимой быстротой. Человек живет во времени. Время, это странная категория, выносит нас на берег жизни, и Время уносит нас куда-то... в Небесную Грузию. Только избранные – которых меньше, чем званых! - уходя, оставляют светлый негасимый след. Ты – один из них.

Камилла-Мариам КОРИНТЭЛИ
поэт, переводчик

«ЗАЩИТИ ГРУЗИЮ!»

Мы, его читатели и друзья, думали, что он никогда от нас не уйдет. Мы знали, как долго он болел этой страшной болезнью. На моей памяти, он был единственным человеком, который победил рак. Я была совсем молодой девушкой, когда он заболел, помню, мы все боялись, что Чабуа скоро покинет нас. Но шли годы и мы привыкли к мысли, что нет силы на земле, которая может поставить его на колени: он будет жить вечно. Ему было 92, а я все еще не могу привыкнуть к мысли, что он ушел. Такой красивый, моложавый, интересный, всеми любимый Чабуа должен был жить вечно! Сегодня я хочу поблагодарить его за то большое, что он оставил литературе, людям, что он подарил человечеству

Чабуа Амирэджиби

за свою долгую и интересную жизнь. Он показал нам, что такое истинное человеческое достоинство и как его сохранить в самых критических жизненных ситуациях в ссылке, в советских исправительно-трудовых лагерях и тюрьмах на протяжении 17-ти лет, когда тебя дважды приговаривают к высшей мере наказания, к расстрелу. Но Чабуа, в противовес всему этому, научился выживать и творить. Как говорил его друг, шведский писатель Питер Курман: «Чабуа – фантастический, неиссякаемый источник надежды и вдохновения для всех поколений. В этом ему нет равных». Как истинный гуманист, в своих произведениях он превозносит человеческую мысль и мощь, которые позволяют ему найти выход из самых безнадежных ситуаций. В его произведениях всегда есть дорога к свету, к жизни и мысль о том, почему стоит жить на этой земле. Он учил всех нас и на своем примере показывал, как находясь в бедственном положении можно достойно жить, достойно уйти и, не менее достойно вернуться. Чабуа очень был похож на свою Родину и внешне, и судьбой, и прожил долгую и сложную жизнь, чтобы до конца показать достоинства и недостатки своей Родины, лучшие и худшие стороны характера своего народа. Он олицетворял Грузию и завещал каждому из нас: «დაიცავი საქართველო» - «ЗАЩИТИ ГРУЗИЮ!»

Манана ДУМБАДЗЕ
писатель

Вчерашней ночью я послал через нашего общего друга Зураба Абашидзе в подарок Чабуа мое новое стихотворение. В письме было написано: «Дорогой Чабуа! Я посылаю тебе историю нашего приключения в 70-х годах в Гагрипше. Помнишь ли его ты? Надеюсь, тебе оно понравится. Ты остаешься одним из образцов мужского поведения. Если бы все были такими, как ты, но это невозможно!» Но утром Зураб мне сообщил, что Чабуа уже не получит моего письма. В Гагрипше он попросил меня простить одну женщину, покинувшую меня, поняв, что я не могу стать опорой ее сыну. Чабуа мне сказал тогда простонародный, но великий афоризм, услышанный им от кого-то в тюрьме: «Не были мы, кореш, матерями». Я его запомнил на всю жизнь. Это переключается со словами Пастернака, сказавшего однажды мне в 1959 году, что: «Настоящее муже-

ство – это не напускная грубоватость. Мы должны многому учиться у женщин. У настоящего мужчины должно быть материнское отношение к женщине». Неслучайно в Грузии так высоко стоит слово «Мать». Роман «Дата Туташиа» - это же энциклопедия благородства. Чабуа был грузинским Атосом, и когда-нибудь его напишет новый грузинский Дюма, который еще только ходит в коротких штанишках и, может быть, пришел на эти похороны, еще, держась за руку своего отца... Но все-таки страдания Атоса были несравнимы со страданиями Чабуа, прошедшего лагерь, потерявшего сына, и я преклоняюсь перед муками его семьи, потерявшей вслед за сыном теперь и его отца. Память о Чабуа будет вечной и в Грузии, и в России, где столько верных друзей его Даты Туташиа... Стать частью истории литературы – это большая честь, но высшая честь – стать неразрывной частью истории всего народа.

Евгений ЕВТУШЕНКО
поэт, переводчик (Россия-США)

Глубоко скорблю об уходе Чабуа Амирэджиби, горюю, как о личной потере, и приношу сердечные соболезнования семье покойного... Он был человеком нездешней, несомненной, исчезнувшей породы, такие исполины, должно быть, являлись в древней Колхиде в циклопические и героические времена «Одиссеи». Он был воплощением и символом самой Грузии для тех, кто ее любит. При этом он глубоко понимал Россию, постигал весь трагизм русской истории, знал наизусть шедевры русской поэзии. Он, по выражению Ницше, выросал «достаточно высоко для молнии», но пронзающие молнии ужасающего столетия не смогли его убить. Ничто не смогло сломить силу его духа, все взоры всегда были к нему прикованы, казалось, он не может умереть. Все равно он бессмертен.

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ
поэт, переводчик (Россия)

С горечью узнал о смерти Чабуа. Он, как и его герой Дата Туташиа, был любимцем нескольких поколений умных русских читателей. Нечего и говорить, что оба они останутся в нашей памяти. Хочется обнять всех близких великого писателя и великого человека Чабуа Амирэджиби.

Юрий РЯШЕНЦЕВ
поэт, переводчик (Россия)

Мне посчастливилось быть знакомым с этим удивительным человеком. Состоялось знакомство еще в 1985 году в Сухуми. Он поразил меня своим достоинством, элегантностью и остроумием. Как писателя я знал и любил Чабуа Амирэджиби и раньше. Всем родным и близким великого человека выражаю глубокое соболезнование. Скорблю вместе с вами,

Олег ХЛЕБНИКОВ
поэт, заместитель редактора
«Новой газеты» (Россия)

Выражаем искреннюю благодарность всем, кто разделил нашу великую скорбь и поддержал нас в глубоком горе.

Господь да благословит вас и умножит ваши силы.

Семья Чабуа (Мзэчабука) Амирэджиби – монаха Давида

კინძმარაული მარანი

KINDZMARAULI MARANI

KINDZMARAULI MARANI

WINES

ბობონ

Shikhvi

Dry White Wine
2006

Alc 11.5% Vol

PRODUCT OF GEORGIA

0.75 L

KVARELI DISTRICT, VILLAGE GAVAZI, KAKHETI, GEORGIA

Tel./Fax: +995 (32) 36 18 50

Mob.: +995 (99) 54 00 18

E-mail: info@kmwine.ge ; km.wine@hotmail.com

www.kmwine.ge

ФОТО АЛЕКСАНДРА СВАТИКОВА

1512-2972